

ПОСЛЕДНЯЯ КОМНАТА

12+

СЕРГЕЙ КИПРИТИДИ

Сергей Кипритиди
Последняя комната

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кипритиди С. Н.

Последняя комната / С. Н. Кипритиди — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Похоже, не для всей царской семьи комната в подвале дома Ипатьева в
Екатеринбурге оказалась последней на этом свете...

Всё произошло в одно мгновение, хотя Николай Павлов мог поклясться, что сначала он увидел неяркую вспышку, там, в черноте дверного проёма, откуда раньше ему слышался еле уловимый шорох. Потом сильный удар в грудь. И только после этого – глухой хлопок, почти не слышимый в мёртвой ночной тишине. Резкий и сильный удар, как прямой нокаутирующий боксёра, отбросил Николая назад. Уже падая, он автоматически вскинул руку с наганом и нажал на спусковой крючок. Выстрелил не целясь, просто направив револьвер туда, где, как понимал Николай, притаилась беда, откуда исходила смертельная опасность, где сейчас была та неведомая, безжалостная сила, по чьей злой воле уже оборвалось столько жизней.

На секунду вспышка от выстрела осветила комнату. У самой двери Николай разглядел чей-то расплывчатый силуэт и, быстро прицелившись, вновь нажал на спуск. На этот раз он выстрелил обдуманно, стараясь попасть в своего противника, стремясь не просто остановить его, а желая убить. В этот свой выстрел Николай вложил всю ненависть к этому, в общем-то, незнакомому ему человеку, всё своё презрение к мерзкому существу, руками своего подручного расправлявшегося с теми, кто стоял на его пути. Казалось, он стрелял сейчас не в конкретного человека, а в то зло, которое столько времени манипулировало людьми, вершило их судьбы. И всё это не ради каких-то высоких целей и идеалов, а из элементарной корысти.

Звук выстрела ещё не стих, а Николай понял, что в этой дуэли он оказался победителем.

Стрелявший первым вскрикнул и, согнувшись, отступил в глубь коридора. Он явно не был готов к такому повороту событий.

В наступившей вдруг тишине слышались нетвёрдые шаги, медленно удаляющиеся и постепенно затихающие. Затем под грузным телом раненого громко зашриптели деревянные ступени лестницы. Наконец раздался скрежет проржавевших петель входной двери. И затем – тишина.

Только теперь Николай смог перевести дух. Он смутно понимал, что самое ужасное уже позади, но невероятное волнение от всего пережитого не проходило. Сердце его отчаянно билось, всё тело дрожало как в лихорадке.

Через несколько минут, всё ещё лёжа на куче мусора, Николай начал приходить в себя и окончательно успокаиваться. Но неожиданно он почувствовал сильное головокружение и понял, что в любой момент может потерять сознание. Нужно было как можно быстрее покинуть это проклятое место. Хотя выстрелы, скорее всего, примут за разрывы петард, но мало ли кого сюда может занести. Эти размышления заставили Николая сделать попытку подняться, но у него ничего не получилось. Он только смог принять сидячее положение.

Голова продолжала кружиться, мысли путались, набегая одна на другую. Перед глазами всё плыло как в тумане, каруселью мелькали какие-то образы, чьи-то лица.

– Господи, когда же всё это началось? – вслух произнёс Николай. – Может быть, сто лет назад или совсем недавно?

Да, да, конечно, совсем недавно. Ведь с того дождливого осеннего вечера прошёл какой-то месяц. Целый месяц! Сколько событий произошло, сколько всего случилось...

Часть I

Глава 1

Был самый конец сентября. Невыразительное "бабье лето" протекло совсем незаметно, оставив воспоминание о чём-то пасмурном и ветряном. Лишь один – единственный день выдался солнечным и тихим, но всё же прохладным. В этот погожий день пожелтевшие листья с деревьев не срывало резкими порывами ветра. Они как-то нехотя, плавно кружась в воздухе, падали на невысохшую мостовую. Только это и запомнилось.

Месяц завершился проливными дождями. Они непрерывно шли уже неделю, смывая мощными потоками и эту опавшую листву и, кажется, все воспоминания людей о пролетев-

шем лете. Каждый житель этого большого города понимал: впереди долгая и непредсказуемая русская зима.

Был вечер пятницы. Как всегда в этот день, служащие Комитета покидали здание быстро, выбегая на улицу как по сигналу пожарной тревоги. Укрываясь под зонтами, они спешили к ближайшей станции метро, оживлённо переговариваясь, явно радуясь завершению рабочей недели и наступающим выходным.

Через каких-то полчаса ключи от кабинетов были сданы, коридоры и переходы погрузились в тишину и темноту. Похоже, сам большой старинный дом в Баркасском переулке решил, наконец, отдохнуть, умиротворённо глядя огромными глазницами тёмных окон на проносящиеся мимо автомобили.

За годы работы в охране Комитета Николай Павлов особенно полюбил эти минуты такого быстрого перехода от достаточно напряжённой, иногда нервной, работы к долгожданному покою и тишине. Суматошный, кажущийся бесконечным день позади; здание опустело, входные двери и ворота во двор – на замке; наконец-то можно расслабиться. Для начала, хотя бы, снять галстук и расстегнуть ворот форменной сорочки. Конечно, надо ещё дотянуть до утра, до окончания смены, но это уже совсем другое дело.

– Когда собираешься на обход? – спросил Михаил, второй охранник в смене.

В этот день обязанности старшего лежали на нём. Соответственно, сегодня была очередь Николая выполнять эту нудную, рутинную, но, в общем-то, необходимую обязанность – обход здания.

– Через полчаса и пойду, если ты не против, – ответил Николай, взглянув на огромные напольные часы, стоявшие в углу вестибюля.

Он зашёл в комнату, на двери которой была табличка с надписью "Помещение охраны" и, опустившись на диван, прикрыл глаза. Так Николай просидел несколько минут, размышляя о том, чем необходимо будет заняться в предстоящие три дня отдыха. Получалось, что особых дел, в общем-то, и не было. Надо бы заняться подготовкой машины к зиме – старенькой отцовской "Волги", но это может и подождать. Машиной Николай практически не пользовался с момента развода с женой.

Почувствовав, что уже пора, он нехотя поднялся и вышел из комнаты.

– Ну, счастливого пути, – пожелал Михаил и, протягивая рацию, добавил: – На, Коля, держи связь по ходу дела и надолго не пропадай.

– Спасибо, друг. Не скучай и не хулигань тут без меня. К утру появлюсь.

– Э, хорош шутить, – разыграл возмущение Михаил, – я сегодня первым в люлю, так что не больше десяти минут.

– Постараюсь уложиться в час, – ответил Николай. И, предупредив очередное недовольство со стороны напарника, он закончил: – Ладно, пробегусь как обычно, не бойсь, дорогой.

Все охранники прекрасно знали, что обход по так называемому внутреннему периметру занимал обычно не более 15 – 20 минут. Но если не побалагурить хоть изредка по какому-нибудь поводу, то от однообразия работы можно сойти с ума.

Скорее всего, поэтому такая полушутливая манера общения сложилась между Николаем и Михаилом с самого первого совместного дежурства.

"И минуло с тех пор уже четыре года", – с некоторой грустью подумал Николай.

Время летит, в апреле ему стукнуло пятьдесят. За плечами военное училище и Академия, неплохой послужной список. А потом вдруг конфликт с начальством, досрочное увольнение в запас с мизерной пенсией и, в конце концов, невероятно популярная в последние годы работа охранником.

Если добавить недавний развод с женой и не очень тёплые отношения с дочерью, картина вырисовывается весьма печальная.

На лифте Павлов поднялся на последний, четвёртый этаж и, нажимая на ручки расположенных слева и справа дверей, начал, как говорили охранники, "накручивать круги".

Это незамысловатое выражение было обусловлено архитектурной особенностью здания Комитета, которое представляло собой как бы вытянутую букву "о". На каждом из четырёх этажей коридор делал круг и заканчивался выходом на лестничную площадку с лифтом. Затем по лестнице надо было спуститься ниже и проделать тот же путь по кругу, но уже на другом этаже. Особое однообразие процедуры и было обусловлено именно этим повторяющимся движением по кругу. Нужно было убедиться, что все работники покинули здание, кабинеты закрыты, лишний свет погашен, в туалетах и курилках ничего не течёт и не горит. Работа, с которой справился бы и ребёнок, оплачивалась соответственно.

Николай помнил, что сегодня необходимо было особенно тщательно всё проверить. Ведь впереди выходные, и если в эти дни обнаружатся какие-нибудь "проколы", то с их устранением могут возникнуть проблемы. Время обхода, конечно, затянется, но Мишка, как говорится, "поймёт и простит".

Наконец Николай спустился в подвал. Это мрачноватое, с низкими сводчатыми потолками помещение, которое Николай называл не иначе как "казематы" нужно было тоже осматривать и проверять.

Тот же коридор, что и на верхних этажах, только уже, с овальным потолком и множеством проводов, кабелей, труб и трубочек, тянувшихся вдоль одной из стен. Трудно было даже предположить, с чем связано такое их количество и для чего они вообще предназначены.

"Движешься будто по отсекам подводной лодки", – не раз приходило в голову Николаю.

Здание было старинное. Верхняя его часть многократно перестраивалась, а фундамент и этот подвал оставались прежними. На первом этаже в прошлом веке располагались торговые ряды, по большей части рыбные. На этажах кое-где ещё сохранились гипсовые барельефы с изображением морских коньков, налимов, осьминогов и прочих морских обитателей.

В подвале же, в разное время, что только не скрывалось от глаз людских. И производственные мастерские, и склады, и типография, и общежитие и Бог знает, что ещё за столько лет.

Продвигаясь к финишной точке своего маршрута и открывая одну дверь за другой (в подвале они почему-то не запирались), Николай лишь бегло осматривал помещения, даже не заходя в них. Однако в самую последнюю комнату нужно было зайти обязательно. Она, хоть и была последней, но требовала особого внимания. Там располагалась кладовая, где хранились запасы стройматериалов и инвентарь для уборки территории. Несмотря на строгий запрет, неразлучная тройца, состоявшая из сантехника, электрика и дворника здесь иногда втихаря покуривала. Так что лучше было убедиться, что там всё в порядке. Кстати, эта комната, в отличие от других, всегда была на замке. Важно было, отправляясь на обход, не забыть от неё ключ, чтобы потом не тащиться за ним в дежурку. Николай за все годы работы в охране Комитета ключ от кладовки не забывал ни разу. Он от природы был очень собранным, организованным и даже педантичным человеком. Служба в армии только развила и закрепила в нём эти качества.

Пол в кладовой, в отличие от других помещений подвала, не был выложен плиткой, а оставался деревянным, покрытым очень старым истёртым линолеумом. Про одну сгнившую половицу под этим линолеумом у самого входа в комнату, Николай старался не забывать. Но в этот день, увлечённый какими-то своими мыслями, он о ней всё-таки забыл. Поэтому, широко распахнув дверь и нащупав в темноте выключатель, он щёлкнул им и уверенно шагнул вперёд. Некоторая поспешность в действиях тоже была характерной чертой Павлова.

На этот раз державшаяся на честном слове половица не выдержала, и нога Николая провалилась куда-то в пустоту. Сохранить равновесие и не упасть ему помогло только то, что правой рукой он всё ещё держался за ручку двери. От души выругавшись, Николай осторожно,

чтобы не пораниться о край обломившейся доски, вынул ногу. Сначала, наступая на неё осторожно, а потом всё увереннее, он с облегчением убедился, что она цела.

"Всё рано или поздно кончается. И не только хорошее, но и плохое, – с удовлетворением отметил про себя Николай. – Теперь-то уж точно комендант заменит здесь пол".

Для верности он решил усугубить картину происшедшего и, взявшись за сломанную доску, рванул её вверх. Дыра увеличилась в размерах, обнажив цементную основу пола, присыпанную какой – то трухой, опилками и свалывшейся пылью. Было там ещё что-то. Посветив мобильником, Николай увидел небольшого размера свёрток, обёрнутый в клеёнку и крест-накрест перевязанный тонкой бечёвкой.

"Ну вот, повезло, так повезло, – усмехнулся про себя Николай. – Нога цела, да ещё, кажется, клад нашёл".

Он вдруг почувствовал, как досада от случившегося с ним минуту назад быстро сменилась вполне объяснимым азартом. Он достал свёрток, прикидывая его вес. С долей разочарования Николай отметил, что тяжёлым его вряд ли можно было назвать.

"Это явно не золото – брильянты", – вспомнив известный эпизод из, опять-таки, известной комедии, подумал Николай.

В следующее мгновение ожила рация, ещё один неперемный атрибут "путешествия" по зданию.

– Николай, ну ты куда запропастился? – Голос Михаила звучал почти жалобно. – Не мешало бы перекусить.

В свои тридцать пять и при росте метр восемьдесят Михаил весил килограммов 150, что было явно выше нормы. Он любил жизнь, а в жизни больше всего любил вкусно поесть. Для него святыми были три вещи: завтрак, обед и ужин. Шутки на этот счёт не приветствовались, поэтому Николай немедленно ответил: "Я уже заканчиваю, сейчас заскочу в раздевалку и лечу наверх".

Он быстро запер дверь кладовой, даже не окинув её взглядом, и направился в другой конец подвала. Здесь, рядом с лестницей, ведущей на верхние этажи, располагалась раздевалка охраны. Зайдя в неё, он открыл свой шкафчик, положил на верхнюю полку найденный свёрток и, не задерживаясь, заспешил на пост. Про свою находку он решил ничего напарнику не говорить. Может, это было не по-товарищески, но ему почему-то показалось более целесообразным, чтобы это событие до поры, до времени оставалось в секрете.

Остаток вечера и часть ночи прошли спокойно. До двух часов Николай пробыл на посту. Удобно устроившись в шикарном кожаном кресле, доставшемся охране по наследству от какого – то начальника, он наблюдал за мониторами и слушал живую музыку, доносившуюся из бара напротив. Иногда музыка заглушалась криками подвыпившей молодёжи, гулявшей в баре и периодически выходившей покурить на улицу. Заведение было не из дешёвых, но народу, и в основном именно молодёжи, всегда было полно. Особенно многолюдно было в пятницу. Заведение это попадало в поле зрения камер наблюдения, и для охранников было некоторым развлечением наблюдать за выходками поддатых юнцов. Николай в таких случаях всегда вспоминал о своей двадцатилетней дочери Юлии. Интересно, чем она живёт, в какой компании, как сейчас принято говорить, тусуется? Они виделись нечасто после развода и разъезда, хотя отношения сохранили вполне нормальные. Просто ритм жизни у них был слишком разным, да и интересы, наверное, тоже.

Однако этой ночью мысли Николая постоянно возвращались к таинственной находке. Кто оставил этот свёрток, что в нём скрыто и каковы будут последствия для Николая, когда завтра утром он принесёт его домой и вскроет?

Возможно, знай Николай о всём, что произойдёт с ним в ближайшие недели, он много раз подумал бы: а не стоит ли бросить это послание из прошлого в какой-нибудь мусорный бак, да ещё подальше от дома? Выбросить и спокойно жить прежней, пусть и в серых тонах, но

размеренной жизнью. Но в том-то и дело, что даже в ближайшее будущее заглянуть не всегда получается.

В два часа ночи его сменил Михаил, и Николай отправился на диван в соседнюю комнату. Висевшие прямо над головой электронные часы, щёлкая секундами и минутами, назойливо напоминали о том, что время отдыха тает, а Николай никак не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок. Изредка впадая в забытье, проваливаясь в пустоту каких-то разрозненных мыслей, нагромождение образов, воспоминаний и переживаний, он вроде бы отключался, но сознание его продолжало бодрствовать. В голове как – будто вертелась пёстрая карусель из хорошо знакомых и совсем незнакомых лиц, реальных и воображаемых событий прошлого, настоящего и, возможно, будущего. Когда за окном уже начало светать, усталость всё-таки взяла своё и Николай, наконец, уснул.

Он проснулся от того, что Михаил настойчиво тряс его за плечо. После коротких часов сна на неудобном, продавленном диване, настроение всё-таки немного улучшилось.

В течение следующего часа, поочерёдно спускаясь в раздевалку, они привели себя в порядок, переоделись, собрали вещи и были готовы к смене. День был выходной, и, как обычно в такие дни, новая смена приходила пораньше. И на этот раз, не задерживая друг друга, они обменялись обычными в таких случаях напутствиями, пожали сменщикам руки и распрощались. Так что уже в семь часов за спиной Николая и Михаила закрылась тяжёлая дубовая дверь Комитета.

– Ну что, по пивку? – предложил Михаил, улыбаясь во всё лицо.

– Нет, друг, что-то я сегодня не в форме, рвану сразу домой, – ответил Николай. Ему было явно жаль оставлять коллегу без компании.

– Да, видок у тебя и впрямь не очень, – с участием констатировал Михаил. – Ну ладно, тогда до вторника. Бывай.

– До вторника. Пока, – ответил Николай.

Кивнув друг другу, они разошлись в разные стороны. Николаю предстояло пешком добраться до метро и проехать полдесятка остановок. Дождь прекратился ночью, и сейчас сквозь посветлевшие и поредевшие облака даже пробивались лучи холодного осеннего солнца. Хорошая погода и то, что смена прошла без особого напряжения, предстоящие свободные трое суток – всё это, безусловно, радовало Павлова. Кроме того, в его сумке лежал найденный в подвале свёрток. Так что приподнятое настроение Николая дополнялось вполне объяснимым азартом, желанием поскорее узнать содержимое находки. Наверное, поэтому не совсем отдохнувший Николай направился к метро, шагая бодро и уверенно.

Впереди был достаточно длинный подземный переход, который и вёл к нужной станции. В выходной день, да ещё рано утром, проделать полсотни метров этого перехода не представляло никакой сложности. В обычные же дни, особенно когда обстоятельства вынуждали возвращаться с работы позже или вообще вечером, Николай вспоминал об этих метрах если не с содроганием, то точно с большим раздражением. Достаточно широкий, но почему-то с очень низким потолком, он постоянно был заполнен массой людей, которые плотным потоком перемещались в обоих направлениях. При этом наряду с движущимися толпами пассажиров были ещё и те, кто толпился у сплошной линии крохотных магазинчиков по одной стороне перехода. Тут и там всегда можно было увидеть группки странного вида юношей и девушек, сидящих на ступеньках или стоящих у стены и, кажется, никогда не покидавших облюбованные ими места. Почему-то именно этот переход прямо перед входом в метро стал пристанищем для городских пернатых, а точнее – голубей. Эти грязные, ужасного вида создания важно, по-хозяйски разгуливали по засиженному до неотмываемости асфальту, что-то там поклёвывая и самодовольно воркуя. Периодически, чаще от какого-нибудь неосторожного движения прохожего, а иногда и без причины, птицы вспархивали, невысоко взлетая и поднимая тучи едкой пыли. При этом

постоянно находились сердобольные граждане, которые с умилением на лицах голубей подкармливали, как бы назло другим гражданам – нормальным.

Пестрота и суэта, царившая в этом инженерном сооружении, создавали полное впечатление какого-то чайна-тауна. По-русски это место так и называлось. Летом здесь была нестерпимая духота. Зимой же переход наполнялся одновременно пронзительным холодом и сыростью.

Метро было ещё одним испытанием для Николая. Будучи коренным москвичом, он любил свой город, но столичную подземку называл не иначе как "душегубкой". Во все времена оно считалось красивейшим в мире, но лично у Николая складывалось впечатление, что всё мастерство и талант создателей и нынешних хозяев столичной подземки были направлены на то, чтобы людям в ней было некомфортно. Николай как-то с радостью узнал, что были пущены новые, более современные поезда с кондиционерами. С тех пор минул уже год или полтора, однако проехаться в этих новых вагонах ему так и не довелось.

Ранним субботним утром в метро было даже прохладно. Павлов без труда нашёл свободное место и сел, пристроив на коленях свою объёмистую сумку. На диване напротив все места были заняты. Пятеро пассажиров сосредоточенно занимались своими гаджетами, отрешённо глядя в их экраны. Шестой мужчина лет за шестьдесят, довольно неопрятно одетый, в огромных наушниках, сидел, прикрыв глаза. Видимо, он что-то слушал. "Если музыку, – подумал Николай, наблюдая за мужичком, – то очень интересно, какую?"

Сам Николай в общественном транспорте никогда не читал, не разгадывал кроссворды, не пользовался мобильным и, уж тем более, не спал. Чаще всего он о чём-нибудь размышлял; просто думал о своём в эти минуты движения, но без движения. А ещё он любил наблюдать за окружающими, изучать их. Правда, со стороны это могло показаться несколько странным: сидит вполне себе нормальный мужчина и почему-то внимательно присматривается к людям вокруг. Зачем он это делает, что его в них так заинтересовало? Но Николай считал это вполне естественным и правильным, хотя он и старался особенно не демонстрировать свой интерес к окружающим. И, всё-таки, как не заметить, не обратить внимание, например, на какого-нибудь улыбающегося толстощёкого малыша на руках у заботливых родителей или на пожилую пару, сидящую напротив, взявшись за руки и нежно глядящих друг на друга. И уж тем более, как можно не остановить свой взгляд на красивой, яркой женщине? Как тут не порадоваться, что есть на свете такие, и не где-нибудь, а в твоём городе, в этом метро, в одном с тобой вагоне. И как глупо – жить среди людей и не видеть их, тем более, не замечать красоту рядом с собой.

– Следующая станция – "Прохоровская", – приятным баритоном сообщил диктор.

Николай, как он это делал всегда, заранее поднялся и подошёл к двери. Вагон уже был заполнен пассажирами, некоторые из них стояли. Место Николая тут же заняла какая-то девушка в платке, длинной тёмной юбке и с маленькой толстой книжицей в руках. В утренние часы по субботам и воскресеньям таких девушек, женщин и старушек было много. Нетрудно догадаться, что это верующие едут помолиться в свои храмы.

"Вопрос только в том, – задумался Николай, – почему это были особы исключительно женского пола? И почему у этих женщин всегда такое грустное, если не скорбное выражение лиц? Ведь, кажется, что вера должна приносить людям радость, просветление, надежду, вселять уверенность в непременной победе добра над злом". Следовательно, как предполагал Николай, и вид верующего человека, по идее, должен быть более счастливым, несмотря ни на какие проблемы и неприятностям.

В уже открывающейся двери вагона промелькнуло отражение девушки, читавшей Библию. И, вроде бы, она улыбалась. В крайнем случае, Павлову так показалось. Не обернувшись, чтобы не разочароваться, он ступил на платформу и зашагал к эскалатору.

Поднявшись наверх, Николай оказался совсем рядом со своим домом. Расположенное почти в центре города, это шестиэтажное строение выделялось среди приютившихся рядом пятиэтажек хрущёвских времён. Дом Николая строили в послевоенную эпоху Сталина. Квар-

тира досталась ему от деда с бабкой. В той, которая принадлежала его родителям, сейчас жили бывшая жена с дочерью. Слава Богу, в жилищном вопросе, как известно, портившем многих жителей столицы, у Павлова проблем не было. До дома было буквально рукой подать. Поэтому уже через пару минут Николай открывал электронным ключом тяжёлую железную дверь своего подъезда. Не пользуясь лифтом, он поднялся на третий этаж и, наконец, преступил порог своей квартиры. Квартиры, в которой прошло детство Николая. Его родители были инженерами – гидроэнергетиками и практически постоянно находились в загранкомандировках. Поэтому воспитание сына было поручено родителям отца.

В послевоенные годы строили основательно и масштабно, так что двухкомнатная квартира Николая была очень просторной, с высокими потолками; светлыми, в два окна, гостиной и спальней, просторной кухней и большим балконом с двумя каменными шарами по углам ограждения. Одним словом, для одного Николая это были настоящие хоромы. Квартира была обставлена весьма старой мебелью, которая, однако, могла прослужить ещё не один год. Консервативного по своей природе Николая это вполне устраивало. Сейчас такие шкафы, диваны, столы и стулья уже не делают. А резной буфет из карельской берёзы, с ножками в виде лап какого-то животного, был вообще настоящим произведением столярного искусства. Дед с бабкой очень заботливо относились ко всему в доме, но этот буфет просто лелеяли. С годами чувства Николая к своим старикам стали притупляться, один за другим они давно уже ушли из жизни, но их трепетное отношение к этому предмету мебели странным образом передалось и ему. Он любил этот буфет как некоторые любят своих домашних питомцев – кошек или собак.

Он снял верхнюю одежду, сменил ботинки на домашние тапочки и с сумкой в руках прошёл на кухню. Здесь Николай, даже не осознавая, зачем он это делает, расстелил на большом обеденном столе газету и сел на стул. Затем он достал из сумки найденный свёрток и, инстинктивно ещё раз взвесив его на ладони вытянутой руки, положил перед собой на газету.

Странно, но желание поскорее узнать, что же в нём, не покидавшее его всё это время, вдруг куда-то испарилось. Николай откинулся на спинку стула, сосредоточенно смотрел на завернутое в старую клеёнку что-то и никак не мог решиться узнать, что же это. Посидев так несколько минут, он встал, подошёл к холодильнику и, достав из него бутылку водки, налил и залпом выпил добрых полстакана. Закусить под рукой ничего не нашлось, и Николай просто сделал большой глоток воды прямо из стоявшего на столе графина. Он снова сел за стол и вынул из заднего кармана джинсов выкидной нож. Лезвие, выброшенное мощной пружиной, громко лязгнуло. Одним движением руки Николай перерезал шнурок, которым был перевязан свёрток. Развернув явно старую, на матерчатой основе клеёнку, первое, что он увидел, была сложенная вдвое ученическая тетрадь, с похожими тетрадями и сам Николай когда-то ходил в школу. Внутри этой тетради было ещё три предмета, завернутые в какие-то тряпки. Что было первым и самым большим из этих предметов, Николай понял, едва взяв его в руки. Не нужно было иметь опыт военного человека, чтобы понять, что это – пистолет. Точнее это был офицерский наган, на воронёной стали которого было выбито: "Тульский Импер. Петра велик. оруж. завод" и год выпуска – 1915. В другой тряпке были завернуты несколько патронов к нему, характерных именно для этого типа револьверов, т.е. с утопленной в гильзе патрона пулей. Откинув дверцу барабана и убедившись, что он пуст, Николай несколько раз нажал на спусковой крючок. Курок с ошутимой силой столько же раз ударил по бойку. Револьвер, похоже, был в отличном состоянии. А вот патроны, сохранили ли они свою боеспособность – это вопрос. Николай невольно поймал себя на мысли, что рассуждает как чисто военный человек, т.е. думает не о том, куда бы выбросить поскорее этот револьвер, а может ли этот "подарок из прошлого" стрелять, не утратил ли он свою боеспособность.

Было что-то ещё, завернутое в пропитанную оружейной смазкой и пылью, тряпку. Развернув её, Николай увидел, что это был дамский носовой платочек, возможно шёлковый, отороченный по краям посеребрившими от времени кружевами. Внутри него был предмет, точное

название которого Николай не знал. Он сразу окрестил его медальоном, хотя правильнее это украшение могло называться кулоном или подвеской, миниатюрой или ещё как-нибудь. Размером, чуть больше пятирублёвой монеты, только овальная, выполненная из белого металла, эта вещица, даже пролежав Бог знает сколько лет в сыром, пыльном подвале, не утратила своей красоты и изящества. На лицевой стороне, на камне или фарфоре, был изображён портрет какой – то женщины с гордым профилем. Портрет обрамляли прозрачные, достаточно крупные камни. Николай насчитал их шестнадцать, и у него не было не малейшего сомнения в том, что это бриллианты. В верхней части медальона имелось колечко, видимо, для цепочки или шнурка. На обратной стороне – витиеватая гравировка. Надпись можно было прочитать без увеличительного стекла, и Николай прочёл: "Любимому А. от любящей М. в день десятилетия". Стояла дата – 30 июля 1914 г. Было ещё что-то, наверное, клеймо мастера, но без лупы разобрать, что там выбито, было невозможно. Вещица была явно очень дорогая. От неё так и веяло каким-то необыкновенным благородством и изяществом. Глядя на медальон, забывалось, в каких условиях он провёл столько времени. Казалось, это украшение, только что взяли с туалетного столика, где хозяйка или хозяин оставили его на ночь. Что за женщина изображена на медальоне, кто скрывается за инициалами "А" и "М"? "Возможно, ответ на этот вопрос можно найти в ученической тетради", – предположил Николай.

Глава 2

Это была обычная школьная тетрадь в косую линейку. Взяв её в руки, Николай сразу вспомнил свои школьные годы и то, что он практически пользовался такими же тетрадями. Салатного цвета обложка, без каких – либо надписей, имела в центре несколько горизонтальных полос. На них, очевидно, записывались данные ученика или ученицы. Но на этой тетради эти данные отсутствовали. Из набранного мелким шрифтом текста на обратной стороне обложки Николай узнал, что произвели её на фабрике акционерного общества "Рассвет" в 1927 году, и предназначалась она для учеников начальных классов. Николай невольно ухмыльнулся: что за историю почти столетней давности поведаёт ему неизвестный ученик начальных классов, да ещё и обладатель револьвера с патронами? Однако первые же строки написанного широким, размашистым почерком текста заставили Николая настроиться на более серьёзный лад.

"Мой неизвестный товарищ! Если ты читаешь эти строки, значит, скорее всего, их автора, то есть меня, уже нет в живых". "Ничего себе начало, – подумал Николай. – История-то, кажется, детективная вырисовывается".

Он продолжил чтение. "Волею судеб, я оказался участником событий чрезвычайно значимых по своей исторической сути и, в то же время, столь же таинственных и трагических. Однако, обо всём по порядку. Меня зовут Андрей Иванович Круглов. Я родился в 1901-м году в селе Николо – Петровское, Тагильского уезда на Урале.

Весной 1918-го года к нам в село на побывку приехал из Екатеринбурга Виктор Нехлебин. Поскольку я на тот момент оказался без работы и вот-вот мог быть мобилизован в Красную Гвардию, то моя мать, дружившая с матерью Виктора, Пелагеей (да и жили наши семьи через несколько дворов друг от друга), попросила Виктора устроить меня на работу в городе. Он хоть и был молод, но служил в Екатеринбурге в каком-то государственном учреждении. Виктор пообещал разузнать, что можно сделать, и уже через две недели после своего отъезда прислал с оказией письмо, в котором вызывал меня в город. В мае 1918-го года я приехал в Екатеринбург, тогдашнюю столицу Красного Урала. После бесед с разными начальниками меня взяли на работу в городскую Чрезвычайную Комиссию, где, как оказалось, уже год служил сам Виктор Нехлебин.

Отдел, в который я попал, занимался в основном арестами явных и скрытых врагов Революции. Одним словом, контрреволюционного элемента. Работа была и опасная, и тяжёлая. Ни отдохнуть толком, ни поесть, да и голову под пули вражеские иногда приходилось подставлять. Платили, правда, неплохо. И обеспечивали нас всем необходимым – от продпайка до обмундирования.

В начале июля 18-го года обстановка в городе была очень напряжённой – подходили бело-чехи. Виктора и ещё двух ребят из нашего отдела куда-то откомандировали. С тех пор я их больше не видел. По слухам, их направили охранять семью бывшего царя Николая, которая вместе с ним в то время содержалась в Екатеринбурге. Жили они в большом белом доме, почти в самом центре города.

Вскоре новое задание получил и я. Где-то в середине июля, числа 14-го или 15-го меня вызвали в кабинет председателя Урал ЧК Фёдора Лукоянова. Кроме него в кабинете были ещё два человека. Одного я знал раньше. Это был такой же, как и я, молодой сотрудник ЧК Иван Левшин. Второй был мужчина в возрасте, одетый в офицерскую форму, только без погон. Фёдор Николаевич представил его нам с Левшиным как специального комиссара ЧК из Перми и сказал, что этот товарищ, по фамилии Зарубин, будет руководить всеми нашими действиями. Мы должны были беспрекословно выполнять все его требования.

Конкретно суть задания нам должен был разъяснить комиссар Зарубин. Напоследок Лукоянов строго предупредил нас с Иваном, что задача перед нами стоит не только архиважная, но и особо секретная. Всё, что нам станет известно в ходе выполнения задания, должно быть сохранено в полной тайне. Иначе, как он сказал – не сносить нам головы.

Когда мы выходили из кабинета председателя ЧК, то я обратил внимание, что в приёмной ожидала группа, по составу точно такая же, как и наша. Среди них я узнал Михаила Попова, который раньше работал в одном со мной отделе. Мы ещё не успели выйти из приёмной в коридор, а этих людей сразу пригласили к товарищу Лукоянову.

Внизу, у здания Американской гостиницы, где помещалась ЧК, нас ждал извозчик с экипажем. Мы сели в пролётку и поехали, не назвав адреса. Видимо, кучер заранее был предупреждён, куда нас везти. За всю дорогу никто не проронил ни слова. Хотя и меня, и Ивана (по которому это видно было) так и подмывало поговорить с нашим новым начальником. Но мы так и не решились. Очень серьёзный вид у него был, даже сумрачный, как – будто предстоящее дело не вызывало у него никакого воодушевления. Его настроение скоро передалось и нам. Мы сидели рядом насупленные, как два мокрых воробья на ветке.

Где-то в районе вокзала подъехали к одноэтажному деревянному дому, окружённому высоким забором с большими воротами. Ворота эти перед нами кто – то открыл, и мы въехали во двор. Дом был на два хозяина, и каждая половина имела свой отдельный вход. Внутри, в той части дома, куда мы зашли, была обычная обстановка: прихожая, кухонька с печкой и две комнаты, соединённые общим коридором. Я сразу обратил внимание, что ставни в доме были наглухо закрыты и везде, из-за темноты горели электрические лампочки".

Николай прервал чтение. Он немного устал от неразборчивого почерка автора. Кроме того, практически бессонная ночь давала о себе знать. Необходимо было взбодриться, чтобы с более-менее ясной головой подойти к той части воспоминаний чекиста Круглова, в которой, как понимал Николай, и содержалась их суть. Он вскипятил воду и приготовил кофе во френч – прессе. Не торопясь, с удовольствием выпил большую чашку чёрного, хотя любил со сливками, на худой конец, с молоком. Покончив с кофе, Николай вновь взялся за тетрадь.

"Втроём мы сели на стулья вокруг большого обеденного стола, и товарищ Зарубин наконец-то заговорил. Во-первых, он попросил нас для простоты называть его кратко, по отчеству – Семёныч. Мы с Иваном, конечно, согласились. Потом он долго рассказывал о военной и политической обстановке как на Урале, так и во всей России. О том, с какими врагами приходится биться Красной Гвардии и о том, что столицу Красного Урала – Екатеринбург нам,

скорее всего, в ближайшие дни придётся сдать "белочехам". Наконец он сказал, что в этой тяжёлой обстановке партия большевиков доверила нам очень важное и ответственное задание. Нам предстоит пожить в этом доме несколько дней. Завтра или послезавтра сюда будет доставлен арестованный, которого мы между собой и при обращении к нему должны будем называть "молодой человек" и никак иначе. Никаких имён и никаких фамилий. Расспрашивать его ни о чём нельзя и вообще всякие разговоры с ним – только в случае крайней нужды. Вместе с этим молодым человеком прибудет доктор, который серьёзно на благонадёжность и преданность революции не проверен. А посему с ним без особой надобности в разговоры тоже не вступать и держать с ним "ухо остро". В дальнейшем нашей группе, скорее всего, придётся сопровождать арестованного в центр России, возможно в Москву. В конце Семёныч поинтересовался, как мы вооружены, и в дополнение к нашим с Иваном наганам выдал ещё по одному. Когда отсыпал нам по горсти патронов, то сказал, что если наш подопечный вздумает бежать или кто-нибудь попытается его освободить, то мы обязаны этого молодого человека застрелить.

После этого разговора настроение у нас с Иваном немножко поднялось. Нам виделось, что задание это плёвое и справимся мы с ним легко: прокатимся по России, да ещё столицу посмотрим. Если б мы знали, чем всё обернётся... Впрочем, отступать-то нам всё равно было поздно.

Выходить из дома нам запрещалось. У нас был полный запас еды и воды. Только в туалет, который находился в глубине двора, за садом, можно было сбежать с разрешения Семёныча и только после того, как он убедится, что снаружи нет посторонних. Кто эти посторонние – я скоро узнал.

На следующий день, когда Семёныч отлучился в город, я через щель в ставнях увидел одного из чекистов, бывших тогда в приёмной у Лукоянова. Он шёл по тропинке, ведущей от туалета и, поднявшись на соседнее крыльцо, скрылся за дверью второй половины дома.

День и вечер прошли спокойно. Мы прочитали все газеты, что принёс из города Семёныч. Играли с Иваном в карты, в дурачки. Потом Семёныч пытался научить нас играть в шахматы, которые мы обнаружили в большом старинном комод. Никакого успеха, однако, эта затея не имела. Ближе к ночи комиссар Зарубин как-то посуровел, стал говорить с нами краткими, рублеными фразами, по-военному резко и чётко. Наконец, он сказал, что в эту ночь спать нам не придётся, и чтобы мы были готовы к любым неожиданностям и любым действиям.

Время тянулось медленно. Ночь была почти на исходе, а ничего не происходило. Мы сидели на стульях вокруг стола и от усталости "клевали носами". Вдруг у ворот раздался какой-то шум. Семёныч быстро вышел за дверь и так же быстро вернулся, сказав, что это не к нам, а к соседям. При этом он чертыхнулся, поняв, наверное, что проговорился, сказал лишнее.

И вот опять какое-то движение у ворот. Теперь уже Семёныч не выходит, а выбегает из дома, затем зовёт нас с Иваном. Мы выскакиваем во двор. Увиденное запечатлелось в моей памяти на всю жизнь. У дома пролётка с поднятым верхом, рядом с ней стоит небольшого роста мужчина с бородкой и в очках, в руках у него кожаный саквояж. Двое солдат, по виду австрияки, помогают выйти из пролётки светловолосому парнишке. Они буквально держат его на руках. Голова парня безжизненно свисает к груди, кажется, у него совсем нет сил. Он или очень болен, или даже ранен – на одежде бурые пятна, как пятна от крови. По команде Семёныча мы с Иваном подхватываем арестованного. Он такой худенький, почти невесомый, так что мы без труда заносим его в дом и укладываем на кровать в дальней комнате. Там же доктор с бородкой, Семёныч и ещё один комиссар в чёрной кожаной куртке, прибывший на пролётке. Через некоторое время этот комиссар выходит и подаёт мне гимнастёрку и шаровары, в которые был одет юноша. Говорит, что надо срезать медные пуговицы и выбросить их в туалет, а саму одежду сжечь в саду. Когда я выполнял команду комиссара, то, проверяя карманы гимнастёрки, нашёл медальон с портретом женщины. Может быть, подумал я, на нём изображена мать этого парня. Может быть, это её подарок, и он очень дорог ему. Конечно, я должен был

доложить о находке начальству, но что-то меня удержало. Я решил при первой же возможности вернуть медальон хозяину. Тогда я совсем не задумывался о материальной ценности своей находки. Хотя сразу понял, что и медальон, и цепочка – настоящие драгоценности.

Вскоре люди, которые доставили арестованного, уехали на той же пролётке, а мы остались впятером. Доктор находился с молодым человеком, а мы – в большой комнате, в зале. Семёныч сказал, что с парнишкой постоянно будет находиться один из нас. Мы решили дежурить по три часа. И первым на вахту заступил я.

Юноша лежал на кровати в нательном белье, ничем не укрытый. На спинке стула висели простая косоворотка и брюки, рядом со стулом стояли сапоги, те же, что были на нём, когда его привезли. Парнишка лежал на спине с открытыми глазами и отрешённым взглядом смотрел в потолок. Казалось, в своих мыслях он был где-то совсем далеко и от этой комнаты, от этого города, да и вообще от всего этого мира. Доктор шепнул мне на ухо, что дал арестованному снотворное и что он обязательно скоро уснёт. В случае чего, я должен был немедленно доктора позвать. С этими словами он вышел в зал, где отдыхали прямо на полу, на матрацах Семёныч с Иваном и где было приготовлено ещё одно спальное место.

Большая электрическая лампа под потолком была выключена. При тусклом свете керосиновой лампы, стоявшей на подоконнике, я стал с интересом разглядывать этого молодого человека. Ему было лет четырнадцать – пятнадцать. Достаточно высокого роста, но очень хрупкого телосложения. Видимо, это из-за какой-то болезни, подумал я. Лицо его было чрезвычайно бледным, а вид – совершенно несчастный. Какая-то беда постигла этого парня, и я сразу понял, что беда эта намного больше, чем просто его арест нами, чекистами.

Почему среди ночи его привезли сюда, а не в чрезвычайку или в городскую тюрьму? Кого доставили в этот дом раньше, и кто содержался во второй половине? Что это за важная птица, которую необходимо везти из Екатеринбурга даже не в Пермь, а в саму Москву? Пока я размышлял над этими вопросами, паренёк задышал ровно и глубоко, глаза его потихоньку закрылись, и он уснул.

Мы провели в этом доме ещё одну ночь и два дня. Всё это время молодой человек не вставал с кровати и почти ничего не ел. По нужде он просился крайне редко, и тогда мы приносили из сеней ведро, служившее ему туалетом.

Время шло, а узник наш всё так же пребывал в каком-то отрешённом состоянии. Трудно было представить, что могло с ним случиться, чтобы так его надломить. Он часами лежал на кровати, лицом к стене и часто, вроде бы совсем без причины, рыдал, начиная что-то скороговоркой произносить. Но слов разобрать было невозможно.

Мне было очень жаль этого парня, и я как мог, старался поддержать его, ну, по крайней мере, лишний раз не беспокоить. Однажды, возвращаясь в дом через сад, я заметил несколько вполне созревших яблок. Сорвал их и, заступив на дежурство, оставшись наедине с молодым человеком, положил эти яблоки ему на кровать.

Лицо его в этот момент будто просветлело, и он вдруг спросил:

– А они мытые?

Я не сдержался и рассмеялся, едва успев прикрыть рот ладонью. Он тоже едва заметно улыбнулся. В его положении узника с неизвестным будущим, главное было – не съесть немытое яблоко.

Потом он взял одно из этих яблок и долго вертел его в руках, с интересом рассматривая.

– Это, наверное, белый налив, – очень тихо произнёс парнишка, – у нас в саду под Петроградом, в Гатчине, такие росли.

После непродолжительной паузы он спросил:

– Скажите, а вы не видели девушку? Где-нибудь в этом доме не появлялась девушка в светлом платье с длинными волосами?

Я остановил его, подняв руку.

– Нам нельзя с тобой разговаривать. Таков был приказ. А девушку я здесь никакую не видел.

Тут я подумал, что сейчас вполне подходящий момент, чтобы вернуть парню найденный мной медальон. Я протянул его молодому человеку, прижав указательный палец к губам, показывая, что не надо ничего говорить, что пусть мой поступок останется в тайне.

Он кивнул головой и едва слышно прошептал: "Спасибо".

От всего произошедшего, не знаю как у него, а у меня на душе как-то легче стало. Аж перекреститься захотелось.

Комиссар Зарубин раз в день отлучался в город. Возвращаясь, он с каждым разом выглядел всё мрачнее и мрачнее. Наконец, в последний день нашего заточения он вернулся поздно и в хорошем расположении духа. Доктор был с молодым человеком, а мы втроём собрались в зале. Семёныч приказал собрать наши пожитки в вещмешки, проверить и зарядить оружие и быть готовыми этой ночью перебраться всей нашей командой на железнодорожный вокзал города. В конце он разразился настоящей речью. Напомнил о важности предстоящего дела, о строгой секретности задания. Почему-то он вспомнил Конституцию нашей молодой республики, которую приняли в том же июле восемнадцатого года, незадолго до этих событий. Сказал, что революция мстит тиранам и эксплуататорам трудового народа, будет бороться с ними до полного их истребления, но большевики не воюют с детьми, ещё не запятнавшими себя кровью людей. Он говорил ещё много и не очень для нас с Иваном понятно, но закончил опять напоминанием – если кто-то попытается освободить нашего подопечного, то в живых его оставлять мы не должны ни в коем случае.

Стали ждать сигнала к отправке. Мы с Иваном помогли парню одеться и, чтобы он не выделялся из нашей компании, собрали ему такой же солдатский вещмешок, как и у нас, положив туда всякой всячины.

В час ночи в дверь постучал уже знакомый нам комиссар в кожанке, тот самый, что привёз арестанта. Мы думали, что экипаж будет во дворе, но он остановился в соседнем переулке. До него мы добрались почти бегом. Я и Иван поддерживали под руки молодого человека, чекист в кожанке двигался впереди, а замыкали шествие Семёныч и доктор. К центральному вокзалу кучер доставил нас в считанные минуты. Вернее, не к самому зданию вокзала, а куда-то в тупик. Там стоял состав, в голове которого находились аж два паровоза. Первый и последний вагоны были пассажирские, а между ними штук шесть пульманов. Мы заметили, что возле состава не было видно ни души, только в отдалении стояли какие-то люди с винтовками.

Поднялись в первый от паровозов пассажирский вагон и заняли три купе. Убранство вагона нас с Иваном поразило. Ни до того, ни после такой красоты мне видеть не приходилось. Всё было отделано красным деревом. Повсюду позолоченные светильники, ковровые дорожки, массивные бронзовые пепельницы и плевательницы. Входная дверь в купе и та, что из одного купе вела через крохотное помещение с умывальником в соседнее, были с яркими рисунками из разноцветных стёкол (теперь я знаю, что это были витражи). В каждом купе по два мягких дивана, а между ними у окна столик, тоже из красного дерева. Мы с Иваном буквально глаза таращили на всё это богатство. В отличие от нас, по нашему пленнику было видно, что он к такой обстановке очень даже привык. В среднем из трёх купе поместили молодого человека. В одном из соседних – Семёныч с доктором. Во втором – комиссар в кожанке с кем-то из наших. Или я, или Иван неотлучно, по очереди находились с арестантом.

Только мы успели освоиться в новой для нас обстановке, как на платформе почувствовалось какое-то движение. Я незаметно выглянул в окно, чуть отодвинув шторку, и увидел, что к платформе подъехала пролётка с тем же кучером, что вёз и нас. Из неё вышла группа мужчин, а среди них – молодая женщина или девушка. Они тут же направились в конец состава, наверное, ко второму пассажирскому вагону.

Ещё через некоторое время возле нашего поезда началось настоящее столпотворение. Суетились какие-то люди, непрерывно подъезжали гружёные ящиками подводы, доносился шум автомобильных моторов. Судя по отдаваемым командам, что-то грузили в пульманы.

К рассвету всё стихло. И, наконец, в пять утра состав тронулся. Я понимал, что впереди нас ждёт не просто тяжёлая, но и опасная дорога. И в то же время настроение было приподнятым. Ведь несмотря ни на что, для меня начиналась новая, интересная, полная приключений и испытаний жизнь.

Не буду подробно рассказывать о режиме, который был установлен в пути следования. Отмечу только, что было предусмотрено всё, чтобы исключить наше общение с внешним миром. Двери вагона заперты, окна занавешены плотными шторами, передвижение по вагону – только в случае крайней нужды. За этим строго следили Семёныч и комиссар в кожанке. Ехали мы быстро, останавливаясь только для пополнения запаса дров и воды.

Хоть нам было запрещено разговаривать с молодым человеком, я обратил внимание, что сам комиссар Ротенберг (такая фамилия была у комиссара в кожанке), оставаясь наедине с арестантом, часто беседует с ним тихим, вкрадчивым голосом. В таких случаях он приказывал нам с Иваном выйти в коридор, но дверь иногда закрывалась неплотно, и можно было кое-что разобрать. Из обрывков фраз, услышанных мной, складывалось впечатление, что комиссар пытается о чём-то разузнать у молодого человека. Назывались чьи-то имена, упоминались названия городов и улиц, и даже монастырей. Чаще всего можно было услышать слово "ценности" или "драгоценности". Тогда я мало над этим задумывался, и эти расспросы товарища Ротенберга почти не отложились в моей памяти.

Без происшествий мы добрались до Перми, и здесь комиссар Ротенберг неожиданно попрощался с нами. Его сменил другой чекист, точно в такой же кожаной тужурке. Только в отличие от Ротенберга, статного и рослого мужчины, этот был маленький, с рыжими усами и такого же цвета кудрявой головой. Ходил он как-то боком, говорил с ударением на "о" и производил впечатление человека добродушного, весёлого и даже бесшабашного. При этом он был крайне неловок. Взяв в руки нож, чтобы нарезать хлеб, вместо хлеба, резал себе палец. Свёртывая самокрутку, половину табака просыпал на пол. Стеклянные стаканы у него бились, ложки падали со стола. Но нам с Иваном "кудрявый" сразу понравился, уж очень он отличался от сурового и немногословного Ротенберга.

От нашего нового товарища мы впервые услышали о расстреле в Екатеринбурге бывшего царя Николая Второго. К известию этому отнеслись мы совершенно равнодушно.

Через два дня пути мы прибыли в Вятку. И тут характер нашего путешествия изменился, и не в лучшую сторону. Стало известно, что совсем недавно в Ярославле и некоторых других городах произошёл мятеж офицеров – монархистов. В жестокой борьбе он был подавлен, но уничтожить всех заговорщиков не удалось. Объединившись в настоящие банды, они терроризировали местное население, нападали на Совдепы, убивали большевиков и сочувствовавших им.

В связи с этим наш эшелон был разделён надвое. Нам предстояло ехать дальше на Вологду, а часть пульманов и второй пассажирский возвращались в Пермь. Им предстояло добираться до Москвы другим маршрутом. Об этом нам сообщил "кудрявый".

Вроде бы удалялись от фронта и шли вглубь Советской России, а обстановка, наоборот, становилась всё более угрожающей, и очень скоро мы в этом убедились. Теперь наш состав состоял из одного паровоза, за ним следовал литерный вагон, а за тем ещё штук шесть – семь дополнительно присоединённых теплушек. Ехали в них беженцы, переселенцы, много молодых парней – призывников, набранных в Красную Гвардию, вернее в РККА. На станциях, где состав останавливался, наш вагон охранялся местными чекистами и бойцами рабочей милиции. Но вот мы прибыли на станцию Шарья. У здания вокзала и на путях была толчея, и никакого охранения не было. "Кудрявый" отправился искать коменданта, узнать, в чём дело и

какова обстановка в городе. Я и доктор находились с молодым человеком, а Семёныч с Иваном встали с двух сторон в тамбурах, у входных дверей. Вдруг большая толпа людей ринулась от вокзала через пути в нашу сторону. Их было человек сто, в основном старики, женщины, дети. Они тащили на руках свои пожитки, какие-то узлы, торбы. Всё это сопровождалось громкими криками, воплями и почти нечеловеческим воем. Я вышел в коридор и наблюдал за всем этим в окно. Дверь в купе оставалась открытой. Неожиданно сзади раздался звон разбитого стекла. На ходу выхватывая револьвер из-за пояса, я кинулся в купе. Была единственная мысль, что наш пленник, воспользовавшись всей этой суматохой, пытается бежать. Но всё обстояло совсем не так. И доктор, и парень находились в купе. Подскочив к окну, я увидел стоявших под ним на платформе двух мужчин. Они были в гражданском платье, на головах, однако, офицерские фуражки без кокард. Один бил по оконному стеклу железным прутом, а второй, с пистолетом в руке, стоял рядом, озираясь по сторонам. Увидев меня, бандит с пистолетом выстрелил, но промахнулся. Пуля, никого не задев, ударила в потолок. Не раздумывая ни секунды, я начал стрелять в ответ. Даже за грохотом выстрелов, послышался вопль одного из нападавших и его крик: "Беги, спасайся!" Зазвучали выстрелы слева и справа, это стреляли Семёныч и Иван. Я осторожно выглянул в разбитое окно. На платформе, скрючившись, держась за живот, лежал один из бандитов. Второй, пригнувшись и петляя, убежал в сторону каких-то привокзальных построек. Вдалеке, рядом с будкой обходчиков, я разглядел фигуру человека в кожаной куртке, наблюдавшего за всем происходящим. Что-то в этом человеке показалось мне знакомым.

Одному удалось скрыться, а второй умер буквально через минуту после того, как к нему подбежали Семёныч и Иван. Кто были эти люди, и каковы были их планы – мы так и не узнали.

Толпа народа, заслышав нашу стрельбу, хлынула в обратную сторону. Тут же прибежал от вокзала запыхавшийся "кудрявый". И совсем скоро наш эшелон продолжил путь. Пленника переселили в другое купе. Разбитое окно кое-как завесили одеялом, а на следующей станции Галич заколотили досками.

Через день, миновав Вологду, прибыли в Ярославль. При подавлении мятежа белых офицеров город сильно пострадал. Вокзал был полностью разрушен, и "кудрявый" отправился в город, чтобы связаться с Москвой и получить дальнейшие указания. Вернулся он очень скоро и объявил, что поезд мы оставляем и ехать дальше предстоит на лошадях.

К вечеру прибыла пролётка с кучером и одна верховая. Перекусив на скорую руку, тронулись в путь. Направлением нашим был Иваново – Вознесенск. Ехали просёлочными дорогами, узнавая путь где у местных жителей, где у сельских властей.

Спустя день пути произошло следующее: "кудрявый", ехавший верхом подотстал, спешившись и поправляя подпругу, а мы на пролётке въехали в небольшую берёзовую рощу. Семёныч сидел рядом с возницей, мы с Иваном за их спинами, а напротив нас – доктор и молодой человек. Вдруг дорогу нам преградили трое вооружённых людей. Спросили, кто мы и куда держим путь. После ответа Семёныча, что едут представители Советской власти, троица направила на нас пистолеты, а один из них, видимо, старший, потребовал сойти с пролётки. Семёныч попытался выхватить револьвер, но тут же был сражён выстрелами. Убитым оказался и наш кучер. Вдруг, как из под земли, возник на своей кобыле "кудрявый". На скаку, спрыгнув с лошади, он начал стрелять по нападавшим разом с двух рук. Такая его ловкость была для меня полной неожиданностью. Мы с Иваном достали револьверы и тоже открыли огонь. Это было что-то ужасное. Гремели выстрелы, свистели пули, кричали раненые. Казалось, никто не выживет в этом аду. Громко вскрикнул доктор, который старался закрыть собой молодого человека. Схватившись за грудь, упал Иван. А мы с "кудрявым" продолжали бить и бить из револьверов. Потом – звенящая тишина. Все трое нападавших были мертвы. Мы потеряли Семёныча, Ивана и кучера. Доктор был легко ранен в плечо, а арестант наш вообще не пострадал, только был сильно напуган. Тела убитых спрятали в придорожных кустах, укрыв срезанными ветками берёз. Добравшись до какого-то городка, обо всём рассказали в местной милиции, там пообе-

щали позаботиться о захоронении наших боевых товарищей. По телефону "кудрявый" дозволил до Москвы и доложил в ВЧК обо всех наших бедах. Приказано было ждать дальнейших указаний. К вечеру вызвали к аппарату "кудрявого" и, переговорив с начальством, он сообщил мне, что мы практически у цели. На следующий день надо было выехать на Московский тракт и, двигаясь в сторону столицы, у деревни Кресты свернуть на юг. Дальше, спрашивая дорогу у местного населения, надо было разыскать какой-то санаторий для душевнобольных. Название его "кудрявый" мне не сообщил, как он выразился: "В целях сохранения революционной секретности". Ко времени прибытия нас там уже должны были ждать.

Через день мы были на месте. Санаторий оказался обыкновенным сумасшедшим домом в несколько обветшалых строений, обнесённых высоким забором. Нас четверых проводили в отдельно стоящий двухэтажный каменный домик, также за высоким забором. Дом охранялся вооружёнными людьми и имел большее сходство с тюрьмой, чем с лечебницей. На какое-то время, пока "кудрявый" с доктором были в кабинете врача, мы остались один на один с арестантом. Видимо, понимая, что скоро мы расстанемся и, скорее всего, навсегда, парень очень сбивчиво, скороговоркой, с трудом подбирая слова, начал благодарить меня за заботу, за всё доброе, что я смог сделать для него за время этого опасного путешествия. Потом он достал из кармана брюк тот самый медальон с портретом женщины. Он сказал, что это подарок самого дорогого ему человека, что это единственная ниточка, связывающая его с прежней счастливой жизнью. Но теперь всё кончено, сохранить этот символ прошлого здесь, конечно же, не удастся. И поэтому пусть он останется в руках достойного и доброго человека. С этими словами парень протянул мне медальон. Я даже не пытался противиться, только пообещал сохранить его и при первой же возможности вернуть. В ответ молодой человек только грустно и как-то обречённо улыбнулся. Похоже, он знал свою судьбу наперёд.

Затем пришли двое здоровенных мужиков в белых халатах и увели моего невольного друга. Больше нам не суждено было встретиться.

Наш раненый доктор остался при больнице, а мы с "кудрявым" отправились в Москву, где обо всём, что с нами случилось, доложили одному из заместителей самого Дзержинского. Потом нас обоих отправили в особый отдел одной из армий Южного (его ещё называли деникинским) фронта. В июне девятнадцатого, Василий Петрович Осенев, которого мы называли "кудрявый", погиб от шального снаряда. Мне повезло дожить до нашей победы. Гражданскую закончил командиром роты. По ранению комиссовался из Красной Армии и вместе с женой, служившей врачом в нашем полевом лазарете, остался в Поволжье, под Царицыном. Жена Ольга работала в инфекционном отделении больницы, а я учился в местном техникуме.

Потом голод. Обещание, данное М.Ч., я не сдержал. Взял грех на душу и обменял цепочку от медальона на продукты, которые, может быть, помогли нам с Ольгой выжить. От голода я жену спас, а вот от болезни – нет. В двадцать третьем супруга моя умерла от тифа.

Закончив техникум, перебрался я в Москву (позвал к себе бывший сослуживец). Устроился механиком в типографию "Красный пролетарий". Вечерами учился в институте. Устроился в общежитии типографии, в этой самой комнате. Годы шли, и я хоть и реже, но всё-таки вспоминал иногда моего арестанта – М.Ч. Что с ним случилось, жив ли он?

А на прошлой неделе, вдруг случайно, встретил своего земляка, того самого Попова Михаила, которого последний раз видел в приёмной руководителя ЧК Урала Лукоянова. Зашли в пивную, вспомнили былые годы. И тут он мне рассказал, что на днях к нему домой, в коммунальную квартиру на Мясницкой наведлся наш старый знакомый, комиссар Ротенберг. Подробно расспрашивал Михаила о событиях июля восемнадцатого. Сказал, что проводит официальное расследование, так как является ответственным сотрудником НКВД. Главное, пытался выяснить, что случилось с той девицей, которую сопровождала их группа из Екатеринбурга, куда её, в конце концов, доставили. Обещал навеститься ещё раз, уточнить кое-какие вопросы.

Расставаясь, мы с Михаилом договорились, что в ближайшее время я зайду к нему и мы куда-нибудь сходим, развлечёмся. Кроме всего прочего, товарищ мой давно работал каким-то небольшим начальником в городском комунхозе и обещал помочь мне с жильём.

Когда же ближайшим субботним вечером я пришёл к нему на Мясницкую, то узнал, что случилось несчастье. Михаил, вроде бы в пьяном виде, по неосторожности выпал из окна четвёртого этажа и разбился насмерть. Событие это трагическое меня очень потрясло и насторожило. И вот, вчера на работе меня пригласили к телефону. Это был комиссар Ротенберг. Знакомым, вкрадчивым голосом он сообщил, что хотел бы встретиться со мной по очень важному делу. Представился сотрудником одного из управлений НКВД. Встречу назначил на конспиративной квартире в самом центре города, на Варварке.

Я оставляю эти записи, а также предметы, все эти десять лет напоминавшие мне о пережитом летом восемнадцатого в надежде, что рано или поздно их кто-нибудь найдёт и передаст куда следует. Второй, сохранённый мной с гражданской револьвер, я беру с собой, так как не знаю, какие последствия для меня может иметь эта встреча".

Записи в тетради заканчивались, так как заканчивалась сама тетрадь. Однако был ещё один отдельный листок, на котором тем же ровным, но не очень разборчивым почерком шло продолжение.

Николай, вдруг ощутив, что в горле у него пересохло, потянувшись через стол, взял графин с водой и сделал несколько жадных глотков.

"Ну и дела, – разгорячённый от всего прочитанного вслух произнёс Николай. – Бирюльки и огнестрельное оружие – полбеда. А вот что с этим сочинением-то делать? Неужто в самом деле властям передавать?"

Прервав свои размышления, Николай взял в руки листок и продолжил чтение.

"Сейчас весна двадцать восьмого года. Весь город уже в зелени и цвету, хотя ещё только начало мая. А тогда, в восемнадцатом, был самый разгар лета. Я был молод, вся жизнь казалась впереди. Но революция и гражданская война заставили меня быстро повзрослеть, сделали более жёстким и волевым. Однако, надеюсь, я не стал бессердечным и холодным человеком. Конечно, исключительность всего произошедшего десять лет назад не позволяла забыть те жаркие июльские дни и всех, кто был тогда рядом со мной. Я давно уже понял, кто был тот загадочный М.Ч., и могу так же предположить, кем была девушка, которую сопровождали Михаил и его товарищи. Я понял слова Семёныча о том, что революция не воюет с детьми и не мстит тем, чьи руки, по малолетству, не обагрены кровью трудового народа.

Мне трудно сказать, почему судьбой этих детей так интересуется комиссар Ротенберг, но я уверен, что интерес здесь не только государственный, но и личный. Да и как он, служащий самой могущественной организации страны может не знать, где находятся эти люди? Видимо, это тайна не его уровня, но проникнуть в неё он почему-то очень стремится.

Я иду на встречу с Ротенбергом с твёрдым намерением не говорить ему ничего определённого и готовлюсь к любому развитию событий. Я почти уверен, что это опасный человек, и он не должен знать ничего о месте нахождения М.Ч.

Вам же, неизвестный мне товарищ, хочу сообщить всё, что помню.

Итак, описать точно маршрут нашего движения к психиатрической больнице я действительно затрудняюсь. Но вот как мы выбирались оттуда в столицу, помню хорошо. Место это располагается километров в семидесяти от Москвы. Выезжали мы из посёлка при больнице в девять утра. Солнце светило нам всё время слева по движению пролётки. Проехав, кажется, с десяток километров, оказались мы на железнодорожной станции. Там пролётку мы отправили обратно в больницу, а сами с "кудрявым" стали ждать состав в сторону Москвы. Часов около четырёх пополудни сели в поезд и ещё через четыре часа подъехали к Москве. Состав наш загнали в какой-то тупик, так что, на какой вокзал он должен был прибыть – я не знаю.

Ещё отчётливо помню, что, двигаясь от больницы к железной дороге, мы проезжали деревню Серово. Хорошо запомнил, потому что на Урале, рядом с моим родным селом была деревушка точно с таким же названием.

Вот и всё, что я помню. Заканчивая свои воспоминания, обращаюсь к вам с необычной, может быть, дерзкой просьбой: попробуйте разыскать М.Ч. Не представляю, через сколько лет вы найдёте этот свёрток, что за время тогда будет, какие настанут дни. Но, может быть, проникнуть в эти тайны станет менее опасно, чем сейчас. Ведь годы обязательно что-то меняют в нашей жизни и, в конечном счёте, всегда к лучшему..."

Записи Андрея Круглова закончились. Положив листок на стол, Николай откинулся на спинку стула и, прикрыв глаза, задумался.

"... Разыщите молодого человека, найдите М.Ч..." Автор этих пожелтевших страниц, конечно же, не мог и представить, что послание его будет обнаружено через восемьдесят с лишним лет. Участников тех событий давно уж нет в живых. Как наверняка нет в живых и этого загадочного М.Ч.

Глава 3

Всё в найденной тетради вроде бы указывало на то, что под аббревиатурой М.Ч. был скрыт никто иной, как цесаревич Алексей. А девушка, упоминавшаяся в записях, скорее всего – его сестра Анастасия.

"Хотя не факт – засомневался в своих рассуждениях Николай, – там ещё, кажется, какой-то повараёнок был – ровесник Алексея. Его отправили к каким-то родственникам в центр России. Может, речь здесь о нём идёт".

Николай никогда всерьёз не интересовался судьбой своего именитого тёзки, но, само собой, кое-что всё же знал о печальной участи последнего Российского императора и его семьи. Насколько он помнил, по официальной версии, убиты были все узники Ипатьевского дома. Вроде бы, тому есть масса подтверждений. Проводилось не одно следствие, работало много частных исследователей. С другой стороны, Николай знал, что абсолютное большинство якобы чудесным образом спасшихся из царской семьи приходилось именно на Анастасию и Алексея. При этом он не припоминал, чтобы этот факт как-то с достаточной убедительностью объяснялся историками или писателями. Смешанные чувства овладевали Николаем. Его, конечно, очень заинтересовал рассказ Андрея Круглова. И обращение автора с просьбой разыскать молодого человека не оставило Николая равнодушным. В тоже время, он прекрасно понимал, что самостоятельно, в одиночку, никогда не сможет разобраться в этой, почти столетней давности истории. Всё надо было хорошенько обдумать, а уже потом принимать какое-то решение. Николай вдруг почувствовал необыкновенную усталость. Он перебрался на диван в гостиную. Укрылся лежавшим на нём большим шерстяным пледом и почти сразу заснул.

Проснулся он часа через четыре и, встав с дивана, почувствовал лёгкое головокружение и слабость. Николая слегка знобило, он пребывал в состоянии, которое можно было назвать одним словом – разбитость. Иначе говоря, ему было нехорошо. Он знал себя, и поэтому сразу понял, в чём дело. Лекарство было простое и проверенное. Пройдя на кухню и налив четверть стакана того же "яда", Николай одним глотком опорожнил гранёную ёмкость. Через несколько минут организм его заработал в нормальном режиме.

На столе всё так же лежали находки Николая: ученическая тетрадь с выглядывавшим уголком отдельного листа; револьвер с кучкой патронов и медальон с портретом женщины. Взяв в руки медальон, он вновь, но уже с большим интересом, стал рассматривать эту, безусловно, красивую женщину. Даже маленькое изображение одного её лица смогло передать необыкновенное величие, если не сказать царственность этой дамы. Но ведь так оно и было.

"Ваше Императорское Величество, или как Вы там назывались", – пробормотал в задумчивости Николай.

Продолжая держать драгоценность в руках, он, как смог запомнить, вновь прокрутил в голове историю, описанную в тетради. Почему-то Николай ни на йоту не сомневался в правдивости рассказа Андрея Круглова. Просто не видел причины, по которой бы тот вынужден был лгать или фантазировать. Ведь его дневник мог ещё сто лет лежать под полом в этом подвале, и всё бы так и осталось в тайне, и никто бы ничего так и не узнал.

"Так зачем ему врать?" – Сделал, как ему показалось, вполне логичный вывод Николай.

Он вдруг задумался над тем, на что, читая записи, поначалу особого внимания не обратил. Николай явственно осознал, что в этой истории вызвало у него ощущение какой-то недосказанности, неясности, особой таинственности. Да, конечно, это была зловещая фигура комиссара Ротенберга. Ведь всё действие, разворачивавшееся на глазах Андрея Круглова, так или иначе, было связано с этой мутной личностью.

Возможно, даже сам Андрей не понимал истинных целей "товарища Ротенберга". Вроде бы тот действовал по поручению советской власти, но в тоже время, явно преследовал какие – то свои, личные цели. И останавливаться в достижении этих целей чекист Ротенберг, похоже, не собирался, как и в выборе средств. Подтверждением этого, был факт загадочной гибели Михаила Попова и то, что сам Андрей Круглов, по всей видимости, так и не вернулся в последнюю комнату в подвале нынешнего Комитета после встречи с "товарищем Ротенбергом". Наверняка он разделил участь своего друга.

"Ну что ж, – подвёл итог своим размышлениям Николай – срочности в принятии каких-то решений или действий нет. Так что, надо всё ещё раз, на трезвую голову обдумать, взвесить и тогда уже на что-то решаться."

На следующий день, в воскресенье Николай вновь взял в руки тетрадь Андрея Круглова и в очередной раз перечитал его записи. В общем-то, всё это время он мысленно возвращался к ним, ставя перед собой один лишь вопрос: что делать? А тут ещё этот наган с патронами, вообще уголовная статья. Здесь тоже не всё было так просто. Сначала он твёрдо решил избавиться от револьвера, но что-то, какая-то неведомая сила всё удерживала Николая от выполнения задуманного. Содержание воспоминаний Андрея Круглова заставляло осознавать: выполнение его просьбы – дело не только сложное, но и опасное, хотя, по идее, все лица, так или иначе причастные к этой истории, включая, разумеется, и чекиста Ротенберга, давно ушли в мир иной.

"Вот и получается – с одной стороны – на кой он тебе сдался, этот револьвер, лишняя головная боль и в перспективе – серьёзная проблема. А с другой стороны – вдруг да пригодится, мало ли, в какой ситуации придётся оказаться", – Николай сосредоточенно размышлял, автоматически потирая виски кончиками пальцев.

"Так что же делать? Искать этого полумифического Молодого Человека или выкинуть тетрадь в мусорное ведро и забыть о ней навсегда? Правда, можно ещё анонимно отправить записи Круглова в какой-нибудь музей, пусть учёные разбираются с этим делом. Хотя нет. Не будет там никто и ни с чем разбираться. Ведь существует давно определённая официальная версия событий лета восемнадцатого года в Екатеринбурге. Наверняка никто не захочет ставить её под сомнение, тем более пересматривать".

Сделав паузу в своих рассуждениях, Николай понял, что это, видимо, тот случай, когда слишком ясный ум только препятствует принятию правильных решений. Он переместился на кухню и, открыв один из настенных шкафчиков, достал бутылку своего любимого напитка, который ласково называл "Старик Кёниг" или просто "Старичок". Он, конечно, как истинно русский человек, принимал водку, но в принципе её не любил, считая напиток невкусным. Предпочтение отдавал коньяку, а также виски. "Старик Кёниг" был коньяком. Выпив, особо не смакуя, почти полбокала янтарного напитка, Николай закусил кусочком шоколада. В пред-

вкушении расслабляющей истомы, он откинулся на спину мягкого фамильного стула и вытянул ноги. Теплота тут же начала разливаться по телу. За этот быстрый эффект он и отдавал предпочтение коньяку.

"И так, – вновь вернулся к своей проблеме Николай. – В любом случае, будет не лишне поближе познакомиться с тем, что известно и доступно широкой общественности о судьбе бывшего императора Николая Второго. Для начала надо поработать в какой-нибудь солидной библиотеке".

Николай не был авантюристичен по своей натуре. Больше того, он скорее был инертен и в меру ленив, но даже с его характером, последние годы рутинной работы в охране столь же бесцельное время препровождение в дни отдыха, так или иначе, вызывали у него накапливавшийся протест. Ведь он был человек далеко не глупый, в некоторых вопросах даже эрудированный, начитанный. А вынужден был фактически прозябать, не делая ничего полезного. И это в пятьдесят-то лет.

Одним словом, решение было принято. Он попробует как можно глубже изучить всё, связанное с трагической судьбой последнего Российского императора и его семьи, а при удаче, возможно, попробует что-нибудь узнать и о таинственном МЧ. Впервые за долгие годы Николай почувствовал овладевший им азарт и воодушевление. Он всё ещё полон сил и способен справиться с любой задачей. Довольный собственным решением, Николай пропустил ещё четверть бокальчика коньяку. Рассматривая в окно унылый пейзаж осеннего московского двора, он, как это иногда бывает, начал бубнить себе под нос, постоянно повторяя одну – единственную строчку из старой советской песни: "... и нам любое дело по плечу..."

Проснувшись на следующее утро непривычно поздно, Николай точно знал, чему посвятит этот понедельник 3 октября.

По-военному быстро приведя себя в порядок и позавтракав, уже через сорок минут он вышел из подъезда своего дома. Николай направился в библиотеку за новыми знаниями о старых делах, делах давно минувших дней. Ему посоветовал сосед по лестничной площадке, благообразного вида старичок – ученый, остановить свой выбор на библиотеке имени Рабиндраната Тагора. Она хоть и располагалась достаточно далеко, но была знаменита внушительным фондом. В ней можно было найти любую литературу и на любую тему.

Проехав пяток остановок на автобусе и прошагав ещё три квартала пешком, Николай оказался в районе, которого совершенно не знал. Маршрут, обрисованный соседом, закончился, но никакой библиотеки рядом не наблюдалось. Куда двигаться дальше, Николай выяснил у древней старушки, которой, по ходу дела, помог перейти через трамвайные пути на другую сторону улицы. При этом, услышав вопрос Николая, где найти требуемый храм культуры и науки, седовласая дама удивлённо взглянула на него и произнесла: "Неужели в век интернета кто-то ещё посещает библиотеки?" Николай, оценив тактичность говорившей, так и не понял: нотки были одобряющие или осуждающие? В любом случае, он задумался: "Во как, а у меня и компьютера-то нет. Надо решиться и завести".

По рекомендациям старушки он уже без труда добрался до искомого объекта. Старинное серое здание в два этажа располагалось в глубине парка, окруженного со всех сторон современными монолитными многоэтажками. Судя по всему, они стремительно наступали на этот замечательный парк, угрожая со временем поглотить не только его, но заодно и саму библиотеку.

Первым человеком, встретившим Николая в холле библиотеки, естественно, был охранник. "Ненамного моложе моей недавней собеседницы, – отметил про себя Николай. – Эх, кто только и что только в наше время не охраняет".

– Извиняюсь за нескромность, вы, наверное, у нас впервые? – Очень уважительно задал вопрос человек в форменной куртке.

– Да, впервые. А как вы, коллега, догадались?

Это "коллега" не вызвало у охранника никакой реакции. Николаю даже показалось, что мужчина вообще не совсем правильно истолковал это слово.

– Я тут, извиняюсь за нескромность, всех постоянных читателей в лицо знаю. Правда, их не шибко много и осталось, но трошки ещё есть. А вас, вот, не припоминаю. А библиотека у нас хорошая, – с гордостью продолжал он. – Многие тысячи книг охраняем... и выдаём, – закончил он после секундной паузы.

"Судя по всему, дедок-то не местный. Видимо, из провинции, вахтовым методом работает", – решил Николай.

Несмотря на странные обороты речи "коллега" оказался неплохо информированным и подробно объяснил Николаю, куда ему нужно двигаться дальше. Заплутать здесь действительно было где. Залы художественной, детской, научно – популярной литературы, публицистики, несколько читальных залов. Кроме того, различного рода служебные и подсобные помещения, и всё это на двух этажах не такого уж большого здания.

Что особенно удивило Николая, так это то, что, несмотря на достаточно ранний час, посетителей было не так уж мало. Как он заметил – самого разного возраста и социального статуса.

"Видимо, до полной компьютеризации ещё далеко, – подумал Николай, – ну, и слава Богу!"

Переступив порог зала политической и научно – популярной литературы, Николай невольно зажмурился и даже прикрыл глаза ладонью. Ослепляющий солнечный свет заливал всё помещение. Он проникал через высокие, узкие окна, скорее всего, выходящие на южную сторону.

Пока Николай беседовал с охранником и бродил по лабиринтам "Рабиндраната Тагора", погода резко поменялась. Облака, висевшие над городом ещё некоторое время назад, куда-то делись. На голубом осеннем небе не осталось ничего, кроме огненного солнечного диска.

"Скорее всего, ещё и похолодало, – мелькнуло в голове у Николая. – Но в целом – знак хороший, наверное, мне здесь повезёт".

Постепенно глаза его привыкли к яркому свету, и Николай смог оглядеться. В зале стояли длинные, традиционные для читалок всех стран, столы. Их было с десяток, и посетители сидели за ними лицом к окнам. А за их спинами, у стены, что было крайне необычно, располагалось сооружение сродни университетской кафедре. На постаменте из дерева стоял огромный резной стол, видимо, очень старинный, дубовый. За ним восседала солидная дама лет семидесяти. Определение "дама" самым точным образом характеризовало её облик. Она как бы шагнула в век сегодняшней из века позапрошлого. Совершенно седые, но не по возрасту густые волосы были уложены в высокую причёску, которая ей очень шла. Большие тёмные глаза и тонкий благородный нос дополнялись узкими, плотно сжатыми губами, делавшими её вид чуть надменным. Картину завершало чёрное глухое платье с белым кружевным воротничком и приличных размеров золотой православный крест на золотой же цепочке.

Николай понял, что дама, безусловно, является здесь старшей (он даже мгновенно окрестил её "заведующей кафедрой"). Поэтому он направился прямо к ней.

– Простите, молодой человек, – остановила его строго седовласая "завкафедрой", – у нас принято снимать верхнюю одежду. – При последних словах её рука с наманикюренными пальцами указала в сторону двери, где стояли три деревянные, по виду тоже старинные вешалки. Николай, извиняясь, кивнул головой и, вернувшись назад, повесил свою куртку рядом с одеждой других посетителей. Вновь приближаясь к даме, Николай невольно задержал свой взгляд то ли на золотом кресте, то ли на пышной груди, на которой этот крест покоился. И этот задержавшийся взгляд седовласая строгая дама не только заметила, но и истолковала по-своему. Она, вдруг улыбнувшись Николаю, что совершеннейшим образом её преобразило, превратив в добрую, радушную хозяйку.

– Здравствуйте, – почему-то почти шёпотом произнёс Николай.

– Доброе утро, – ответила дама. – Вернее, уже день, – поправились она.

– Вы у нас, кажется, впервые? – Осведомилась она. – Я всех наших читателей знаю. Вас, по-моему, раньше видеть не приходилось.

Подтекст сказанного был явно укоряющий. По крайней мере, именно так это воспринял Николай.

"Что-то разговорчики у них тут на редкость однообразные, – отметил он. – С начала охранник внизу, теперь эта "классная дама". – Последняя мысль заставила теперь уже Николая улынуться: ведь когда-то дама действительно была классная.

– Да, раньше обращаться к вам за помощью не было необходимости. Теперь решил восполнить кое-какие пробелы в образовании, – ответил Николай как можно более серьёзным тоном.

– Вот и отлично. Постараемся вам помочь. А что вас конкретно интересует? – Разговаривая с Николаем, "заведующая кафедрой" периодически трогала свой крест на груди, как – будто проверяя, на месте ли он.

– Меня интересует литература по вопросу гибели семьи Николая Второго, бывшего царя, – уточнил зачем-то Николай.

Дама с интересом посмотрела на него.

– Да, я поняла вас, – в очередной раз дотронувшись до креста, ответила дама. – Литературы на эту тему у нас достаточно. Если только вы не собираетесь диссертацию писать. Однако многие книги могут находиться на руках у читателей. Пройдите за тот стол, – она указала рукой в сторону одного из окон в конце зала, – наберите на компьютере: "Гибель царской семьи" и выпишите книги, которые вас заинтересуют. Потом посмотрим, что из этого есть в наличии.

– А я справлюсь с вашим компьютером? – Неуверенно спросил Николай.

– Не волнуйтесь, там всё очень просто, он уже включён и готов к работе. Вы без труда разберётесь.

Поблагодарив пожилую даму, Николай направился в указанном направлении и на последнем в ряду столе у самого окна обнаружил ПК одного из самых ранних поколений. Солнечный свет из окна немножко мешал, но, в принципе, работать было можно.

Список действительно был внушительный, и поначалу у Николая мелькнула мысль: а возможно ли вообще разобраться в таком объёме информации? Сможет ли он найти что-то полезное для себя в этом ворохе воспоминаний, расследований, исследований и публикаций? Вместе с тем, пришла и другая мысль. Раз о таком, вполне очевидном деле столько написано, значит, возможно, не столь уж оно и очевидно. В этот момент у Николая впервые проснулся настоящий интерес к делу, за которое он, теперь уже точно, возьмётся. Ведь он обладал информацией, наверняка неизвестной ни одному из этих авторов.

Положив перед собой стандартный лист белой бумаги, Николай добросовестно переписал на него всё, имевшееся в компьютере по убийству царской семьи. Сделал он это, по большей части, потому что помнил предупреждение хозяйки зала о возможном отсутствии ряда книг.

Когда Николай представил ей свой листок, строгая женщина за кафедрой вновь улыбнулась.

– Я так понимаю: или пробел в вашем образовании действительно велик, или тема вас чем-то очень заинтересовала.

– Скорее всего, и то, и другое, – ответил Николай.

– Ну, для начала, мы должны зарегистрировать наши с вами отношения, а потом уже двигать их дальше.

Николай почти сразу понял, о чём идёт речь и решил ответить шуткой на шутку.

– Мой паспорт со мной, и нужная страница в нём чиста, я готов, – сказал он с наигранным энтузиазмом.

Дама, улыбнувшись одними губами, одной рукой взяла документ Николая, другой достала из картонного ящичка чистый читательский формуляр.

– Итак, Николай Сергеевич Павлов, – вслух читая данные из паспорта, она древней перьевой ручкой заносила их в формуляр.

– Кстати, меня зовут Анна Николаевна. Фамилия моя Воронцова, и, как вы, наверное, поняли, я являюсь заведующей залом научно – популярной и политической литературы.

– Очень приятно, – ответил Николай.

"И политической... – заметил он. – Вот почему стеллаж вдоль одной из стен зала был полностью заставлен сочинениями Маркса, Энгельса и Ленина.

– Извините. И что, кто-нибудь интересуется? – показав взглядом на ряды увесистых томов, поинтересовался Николай.

– Ещё как, – кратко ответила Анна Николаевна. Понять по её интонации, довольна она этим обстоятельством или нет, было невозможно.

– Итак, – закончив бюрократические формальности, вновь произнесла Анна Николаевна, – с чего же нам начать? ...

На некоторое время она задумалась, а затем продолжила:

– Николай, ... можно мне вас так величать?

– Конечно, конечно, – немедленно отреагировал Николай.

– Спасибо. Так вот, я предлагаю начать, как говорится, танцевать от печки.

Анна Николаевна сняла трубку телефона, ненадолго моложе её перьевой ручки, и кому-то позвонила. Буквально через минуту из двери за спиной у заведующей вышла девушка с подшивкой журнала "Огонёк".

– Это Оля, моя помощница, – представила девушку Анна Николаевна.

– Очень приятно, Николай... Сергеевич, – запнувшись, представился Николай.

– Здравствуйтесь, – ответила девушка. Кивнув головой, она скрылась за той же дверью.

Анна Николаевна проводила взглядом свою помощницу и, вновь обернувшись к Николаю, продолжала:

– Первая достаточно обширная публикация на эту печальную тему была в номере "Огонька" за 1989 год. Об авторе вы, вероятно, слышали – это Эдвард Радзинский. Есть ещё более ранняя книга Касвинова, но её в наших фондах в настоящее время нет. Так что начните с Радзинского.

Николай, поблагодарив, взял принесённую девушкой увесистую стопку журналов и, сев за ближайший стол, приготовился искать нужную статью. Однако делать этого не пришлось, так как кто – то заботливо обозначил нужный номер и даже страницу закладкой.

"Неплохо у них тут всё поставлено", – с удовлетворением отметил Николай, вспомнив молчаливую девушку Ольгу.

Надев необходимые в таких случаях очки, он углубился в чтение. Николай, видимо, и сам не смог бы объяснить причину, но статью он "проглотил" буквально на одном дыхании. Кое-что он, безусловно, уже знал, что-то открыл для себя впервые. По-настоящему Николая, может быть, как человека, воспитанного в советское время, поразила позиция автора статьи. Малограмотным, фанатичным и кровожадным хозяевам Красного Урала противостояли удивительно добрые, мягкие и, соответственно, невероятно благородные члены царской семьи, плюс верные и преданные слуги. Автор всячески старался подчеркнуть, что убита была не просто дружная, любящая друг друга семья, а люди замечательные, простые в обращении с окружающими, чуткие и заботливые, тонкие и даже творческие натуры. Конечно, цель была подчеркнуть весь ужас совершённого злодеяния. Да ещё, наверное, главное – убиты дети. Какое уж тут оправдание палачам. Правда, Николай отметил для себя, что детей-то было всего двое. В смысле, дети были все пятеро, но, учитывая их возраст, в категорию малолетних попадали только двое. А помня рассказ Андрея Круглова, этот факт вообще становился сомнительным.

Откинувшись на спинку стула и по привычке прикрыв глаза, Николай задумался над прочитанным. Факты приводились вроде бы неоспоримые. Ведь в основном вся публикация была построена на воспоминаниях главного участника событий – коменданта Дома особого назначения, Юровского, руководившего расстрелом. Однако постепенно прокручивая в голове прочитанное, Николай всё больше и больше утверждался в мысли, что присутствует какая – то недосказанность, неполная ясность и в воспоминаниях коменданта – большевика Юровского, и в освещении событий июля 1918-го года самим автором статьи.

Практически, точка зрения была одна – определённая партийными и советскими властями СССР, автор только её интерпретировал. "Можно ли здесь вести речь об объективном подходе? – задумался Николай, – ведь это взгляд только с одной стороны. Не худо было бы ознакомиться и с выводами другой стороны – белогвардейской, конечно же".

Как отмечалось в прочитанной Николаем статье, стороной этой был следователь Соколов, проводивший расследование обстоятельств гибели царской семьи по поручению адмирала Колчака. Николай, конечно, слышал фамилию Соколова и даже знал о существовании написанной им книги "Убийство царской семьи". К сожалению, книга была у кого-то на руках, но Анна Николаевна пообещала придержать её для Николая. Ему же не хотелось терять времени даром, и он взял ещё две книги того же Радзинского и на ту же тему, чтобы почитать дома.

Покидая библиотеку, Николай с удовлетворением отметил, что явно понравился строгой заведующей Анне Николаевне. Теперь, по всей видимости, он мог рассчитывать на всяческую помощь с её стороны.

В вестибюле Николаю вновь встретился пожилой охранник, добродушно ему улыбнувшийся, как старому знакомому. Он уже начал своё неизменное – "извиняюсь за нескромность...", но потом вдруг осёкся и закончил вопросом: "Ну что, нашли свою науку с политикой?"

– Спасибо, спасибо. Конечно, нашёл, – ответил, тоже улыбнувшись, Николай. Он попрощался с коллегой и, на ходу застёгивая куртку, направился к выходу.

Взятые в библиотеке книги Николай "проглотил" за один вечер. В одной из них он наткнулся на упоминание о пресловутых царских драгоценностях, которые частично были ещё в те далёкие годы разысканы, а частично так и не найдены. Видимо, советская власть всерьёз озаботилась их поисками, если верить рассказу Круглова о расспросах комиссара Ротенберга. Мог ли их подопечный, это загадочный М.Ч. что-нибудь знать о царских бриллиантах? Товарищ Ротенберг, по всей видимости, считал, что мог.

Отработав смену во вторник, Николай, так ничего и не рассказал напарнику о своей находке. При всех положительных качествах, которыми обладал Михаил, просить у него совета, как поступить со всем, что свалилось на голову Николая, было бессмысленно. Глубокомыслие, практицизм и логика не были "коньками" Михаила. Смена была обычная, ничем не выделявшаяся в черед других. За долгие годы всё доведено до автоматизма. А Николай свои обязанности выполнял чётко, по давно заведённому порядку. Только вот в это дежурство, совершая обход здания вместо Мишки, у которого вдруг разыгрался радикулит, в ту последнюю, подвальную комнату он заходил с каким-то особым чувством. Будто присутствовал и ощущался в ней дух далёких, послереволюционных лет. Будто хранили стены этой комнатки не только правду о тех исторических событиях, но, главное, большой секрет, скрытый от всех, кроме одного Николая.

На следующий день, поскольку ничего существенного запланировано не было, Николай вновь с утра отправился "в гости к Рабиндранату Тагору".

На входе его ожидала встреча с добродушным и приветливым охранником. Они, как старые знакомые, поздоровались за руку, перебросились всего лишь парой фраз о погоде, так что коллега Николая даже не успел ни разу "извиниться за нескромность". Вспомнив эту его при-

сказку, Николай улыбнулся. Так, с улыбкой, он и вошёл в зал политической и научно – популярной литературы.

Хорошее, даже весёлое настроение Николая, наверное, не очень соответствовало серьёзности заведения, в котором он находился. Видимо, так считала восседавшая на своём рабочем месте Анна Николаевна. Поскольку встретила она его очень сдержанно, ответив на приветствие. Но через эту сдержанность Николай всё равно почувствовал неуловимые признаки расположения. Ему захотелось сказать что-нибудь приятное этой величественной даме. И хотя он был скуп на комплименты, Николай, скромно потупив взгляд, произнёс что-то о её прекрасном внешнем виде.

"Ах, бросьте, – отреагировала Анна Николаевна. – Годы берут своё, и никак этого не утаишь. Давно уже заметила, что всё чаще и чаще вспоминаю прошлое и всё реже и реже строю планы на будущее".

Когда зрелая женщина начинала говорить о своём возрасте, Николай, как и большинство мужчин в такой ситуации, терялся и не знал, что сказать, чтобы не попасть впросак. Слава Богу, Анна Николаевна без паузы продолжила:

– Однако, не долго вы отсутствовали, неужели всё осилили?

– Да, ведь чтение-то захватывающее, – Николай явно перегнул палку в надежде на то, что Анна Николаевна книг этих не читала.

– Почерпнули что-нибудь новое для себя?

"Кажется, угадал, – отметил про себя Николай, – явно не читала".

– Конечно, почерпнул, – произнёс он, – хотя, по-моему, автор прочно встал на определённую позицию и все свои изыскания направляет на подтверждение правильности этой позиции.

– Да вы, Николай, настоящий исследователь. Умеете анализировать прочитанное и даже ставить под сомнение выводы таких именитых авторов.

– Просто мне ничто не мешает быть совершенно объективным в своих выводах, – заметил Николай.

– Это большая привилегия нас – простых смертных. Людей скромных и не публичных, а главное – политически не ангажированных. Не удивляйтесь, что я говорю об этом. Я выросла в семье старых большевиков и привыкла, что любой взгляд на вещи, любое твоё высказывание рассматривается как подтверждение или опровержение какой-либо теории; как не просто жизненная позиция, но обязательно позиция политическая. Тяжело жить в такой обстановке, да ещё, если ты не родной, а приёмный ребёнок. Тут не до проявления своего характера и своих истинных мыслей. В любом случае, воспитание родителей не возымело должного действия, и после их смерти я нашла и утешение, и правду в Боге. Вы, кстати, верующий человек? – неожиданно спросила Анна Николаевна.

– Да, да. Конечно, я крещённый православный, – Николай, как ему самому показалось, уж слишком завуалировал свой ответ. Но судя по выражению лица Анны Николаевны, она его приняла.

– Вот, я вас познакомлю с очень интересным человеком, – неожиданно сменила тему Анна Николаевна. – Он часто у нас бывает. Вот уж у кого на всё свой взгляд и своё мнение. Кстати, это у него сейчас книга Соколова, которая вас интересует. – Пока могу предложить вам воспоминания сподвижника Соколова, английского журналиста Р. Вильтона. Думаю, они будут вам интересны. – Когда планируете появиться у нас в следующий раз? – поинтересовалась Анна Николаевна.

– Надеюсь, что смогу прямо завтра – ответил, не раздумывая, Николай.

– Ну, вот и отлично, попрошу Сергея Ивановича тоже быть. Это тот самый человек, о котором я упоминала. Сейчас же ему и позвоню. Как, если часов на двенадцать, или чуть позже?

– В самый раз, – согласился Николай.

Поблагодарив за "Вильтона", он попрощался и, сняв с вешалки куртку, направился к двери, которая распахнулась перед самым его носом. В зал вошла та самая девушка – подросток, которая приносила Николаю подшивку "Огонька". Они чуть не столкнулись друг с другом. Николай даже инстинктивно полуобнял девушку рукой за талию, но тут же руку отдернул. По этой причине, или по какой-то другой, девушка улыбнулась, глядя прямо в глаза Николаю. Эта улыбка совершенно сбила его с толку. Николай даже не знал, что следует сказать. Но за него высказалась Анна Николаевна, с вполне серьёзным видом наблюдавшая эту сцену.

– Оленька, – произнесла она, – помните – нам дороги жизнь и здоровье каждого нашего читателя. Сказано было вроде бы с упреком, а вроде бы и в шутку. Понимай, как знаешь.

– Ну что вы, что вы. Это я виноват. Извините, пожалуйста, – Николай умудрился адресовать эти слова сразу обеим женщинам. Не дожидаясь возможного продолжения разговора, он выскользнул за дверь.

"А девушка – то не так уже и юна, как показалось при прошлой встрече. Уже, наверное, ближе к тридцати, – почему-то вспомнил об Ольге Николай, шагая по широкому коридору библиотеки. – Просто хороший цвет лица, видимо, из-за здорового образа жизни, и молодёжный стиль в одежде", – сделал вывод Николай.

"Да, и ещё эта причёска. Очень короткая, почти мальчишеская стрижка".

"Интересно, – продолжал думать о том же Николай, – а на сколько я выгляжу? И каков цвет моего лица? Наверное, на очень. Уж мой образ жизни точно здоровым не назовёшь", – подвёл безрадостный итог Павлов.

Странное дело – в вестибюле ему не встретился пожилой охранник. "Ощущение такое, будто чего-то жизненно важного не хватает", – отметил про себя Николай.

Воспоминания мистера Роберта Вильсона ничем существенно не дополнили арсенал собранной к тому моменту Николаем информации. В общем и целом, все источники картину рисовали одну и ту же: семья и слуги расстреляны. Далее, в одном варианте – трупы убитых уничтожены и разыскать их невозможно; в других – останки захоронены на старой Коптяковской дороге, где они и были затем благополучно обнаружены.

По Радзинскому, не исключался вариант чудесного спасения Алексея и Анастасии. Но обстоятельства этого спасения в изложении автора были уж чересчур фантастическими.

Однако Николай всё-таки отметил, что речь идёт именно о двух младших детях царя, детях несовершеннолетних. И потом, эти упоминавшиеся слухи о двух "головах", отправленных большевиками в Центр. Что это было, о чём шла речь? О головах царя и царицы в банках со спиртом или образно названные "головами" двое младших детей царя?

Глава 4

Вечером того же дня Николай, в который уже раз, задумался над тем, как он устал от нудного, однообразного ритма своей жизни, от этой, в общем-то, не тяжёлой, но такой отупляющей работы. В какой-то момент, на каком-то этапе жизни он точно сделал что-то не так, упустил свой шанс, поплыл по течению. Уход раньше срока из армии, в какой-то степени, выпивка. Слава Богу, ещё не ставшая проблемой. Всё это, а главное – крушение идеалов того, во что чистосердечно верил, подорвало его внутренний стержень, выбило из колеи. Он вроде бы и не сдался, а так, плюнул на всё происходящее, на всё, что его окружало. Но, по большому счёту, такая жизнь претила его натуре – ведь он был совсем другим человеком.

Уже почти в полночь, приняв перед сном душ, он удобно расположился в своём любимом кресле перед телевизором, который, впрочем, не включил. Николай посчитал, что всё-таки пришло время определиться, если не окончательно, то хотя бы в принципе, в проблемах, свалившихся на него так неожиданно.

В целях стимулирования мозговой деятельности, да и просто потому, что захотелось, Николай принял бокальчик своего любимого "Старого Кёнига", закусив кусочком шоколада.

"Итак, что мы имеем на сегодняшний день? – Спросил себя Николай. – А имеем мы тетрадь с воспоминаниями товарища Круглова Андрея батьковича (отчество Николай на самом деле не запомнил). Тетрадь, судя по всему – подлинная, а записи – правдивые". – Почему Николай сделал именно такой вывод, он и сам не смог бы толком объяснить, просто принял это как должное.

"В подтверждение рассказа Круглова у нас имеется, – продолжал размышлять Николай, – револьвер системы Наган, что, в общем-то, не очень важно; а что очень важно и значимо – кулон с портретом последней русской императрицы с дарственной надписью сыну – наследнику престола Алексею. В отличие от воспоминаний юного чекиста, подлинность этих предметов никаких сомнений не вызывает".

Николай сделал паузу в своих размышлениях. Ему показалось, что одного бокала коньяку недостаточно для объективного и взвешенного рассмотрения проблемы под всеми возможными ракурсами. Поэтому он повторил процедуру с бокалом, янтарным напитком и шоколадом.

"В конечном итоге, – вновь усевшись в кресло, вернулся к своим мыслям Николай, – мы имеем просьбу, даже призыв Андрея Круглова к тому, кто найдёт его свёрток, то бишь завещание, разыскать следы и выяснить судьбу несчастного М.Ч. Конечно, Круглов и представить не мог, что тайник его останется необнаруженным столько лет, что сменяются не только поколения людей, но и сам государственный строй, и тот изменится".

"Где и кого теперь искать? На дворе новое тысячелетие", – с некоторым сожалением подумал Николай.

Как вариант – можно было сдать всё обнаруженное в подвале Комитета каким-нибудь заинтересованным и компетентным в этих вопросах органам. Например, отнести в Исторический музей или Госархив или ещё куда-нибудь, хоть в ФСБ. Однако Николай прекрасно понимал, что история, рассказанная уральским парнем, никак не вписывается в официальные итоги расследования гибели царской семьи. Скорее всего, никто вновь копаться в этом мутном деле не будет, потому что никто в этом просто – на просто не заинтересован. Все точки над "і" расставлены, останки расстрелянных обнаружены, с почётом захоронены в Петропавловском соборе Петербурга.

"Правда, не все, – вспомнил Николай, – двое детей, вернее их останки ещё не похоронены. Так что же делать? – Задал в очередной раз сам себе вопрос Николай. – Предпринимать что-нибудь для поиска М.Ч. или плюнуть на всё и, поставив на этом деле крест, жить прежней жизнью?"

"Похоже, со "Стариком" я переборщил", – отметил Николай. Выпитое только сумбур в его мысли внесло. Но, несмотря на это, в ситуации, надо было разобраться. Пора, наконец, было принять окончательное и, главное, верное решение.

Николай прекрасно понимал, сколь сложным и тернистым может оказаться для него путь поисков Молодого Человека.

"Ну, кто я такой – учёный историк, следователь прокуратуры, представитель Дома Романовых? Нет, конечно", – Николай старался смотреть на вещи более или менее объективно. И всё-таки, возможно от выпитого, а может быть, мысли эти давно бередили его душу – он был готов ввязаться в авантюру, хотел действия, хотел что – то поменять в монотонном течении своей жизни, в самом своём существовании. Возможно, настало время доказать самому себе, что он ещё не утратил способности на поступок.

Надоело ему это прозябание. Уже пятьдесят, сколько ещё Богом отмеряно? Придёт время, и вспомнить будет нечего. А ведь он, безусловно, натура творческая, ищущая. Несмотря на некоторую лень, ум его достаточно остр и неординарен. Он обладал тем неоспоримым

достоинством, что мог, прекрасно видя нюансы, охватывать всю проблему целиком. Иначе говоря, за лесом не терял дерева, а за деревьями – лес. Кроме того, приобретённое образование позволяло ему мыслить концептуально, видя и понимая суть явления, имея серьёзный, самостоятельный подход к нему.

"Итак, надо рискнуть. Решительно порвать со старым и ринуться в дело, которое ещё неизвестно куда приведёт".

После взвешивания всех "за" и "против" Николай определился окончательно. Он попробует разобраться с тем, что завещал ему совершенно неизвестный, посторонний человек Андрей Круглов. Он постарается найти ту психиатрическую клинику, куда в июле 1918-го доставил автор дневника своего подопечного. Он постарается узнать дальнейшую судьбу этого таинственного М.Ч.

Опасная ли это затея? Ведь двое участников тех событий – сам Круглов и его товарищ Попов явно поплатились жизнями за то, что много знали и с кем-то не поделились этими знаниями. Николай даже точно знал имя этого человека – комиссар Ротенберг. Но прошло больше семидесяти лет, и наверняка этого человека уже нет в живых. Действовал он явно не от имени официальных властей, а на свой страх и риск. Преследуя свои интересы и цели. Так что заинтересованность КГБ – ФСБ вроде бы Николаю не грозила.

Есть ли шанс на успех – большой вопрос. Прочитав даже то немногое, что ему удалось за последние дни, Николай видел – белых пятен и спорных моментов в деле последнего русского царя предостаточно. Много домыслов, а иногда и откровенных фантазий. И даже вроде бы объективные данные, научно подтверждённые, вызывают массу вопросов. Значит, здесь есть ещё над чем работать, есть где копать. Даст Бог, Николай найдёт в своих поисках надёжных и верных помощников. Почему-то он был уверен в этом.

Как обычно бывает в таких случаях, от принятого решения Николай сразу почувствовал какое-то душевное облегчение, даже прилив сил. Настроение поднялось, как будто он принял ещё бокальчик своего любимого "Старичка". Он даже начал прикидывать, с чего можно было бы начать поиски, стал строить планы на ближайший период.

Была, правда, одна проблема, с самого начала подсознательно беспокоившая Николая и требовавшая кардинального решения. Уж, коль скоро, он решил по-новому строить свою жизнь, то в первую очередь придётся уходить с работы, так сказать, прочно закрепиться в категории военных пенсионеров. Никакого сожаления по этому поводу Николай, конечно же, не испытывал. Во-первых, тяготины эта охранная ему порядком поднадоела. Во-вторых, совмещать даже сменную работу с тем, за что он собирался взяться, будет, скорее всего, чрезвычайно трудно.

Но уволившись с работы, Николай лишался какого-никакого заработка, а предстоящее дело явно будет затратным. Особых накоплений у него не было, приходилось платить за учёбу дочери и вообще всячески ей помогать. Пенсия была невелика, так что денежный вопрос становился во главу угла. С какой стороны Николай не пытался подойти к решению этой проблемы, ничего конкретного у него не выходило. Была старая отцовская "Волга", но от продажи её много не выручишь. Гараж, удобно расположенный во дворе прямо рядом с домом – это уже в самом крайнем случае. "Тупик", – с сожалением констатировал Николай, – прямо хоть грант выпрашивай у какого-нибудь фонда "возрождения царизма в России".

Витала в голове Николая вполне реальная идея решения денежной проблемы, но, будучи человеком с принципами и определёнными ценностями, он настойчиво не хотел её рассматривать. Хотя, размышляя и прикидывая различные варианты, Николай всё равно приходил к одному и тому же. Почему бы не продать найденный в свёртке кулон какому-нибудь ценителю не просто драгоценностей, но знатоку раритетов и исторических ценностей? С моральной да, наверное, и с правовой точки зрения такое решение было бы малопривлекательным и не

совсем законным. Но с практической – единственно верным. Не кредит же было в банке брать под грабительский процент.

"Над деталями поразмыслию утром", – с этой мыслью Николай отправился спать.

Следующий день, помимо воли и желания Николая, всё определил и расставил по местам. Он проснулся от яркого солнечного света, пробивавшегося сквозь узкую щель между неплотно сдвинутых штор. Свет этот радовал и бодрил, но миллионы пылинок, фланировавших туда – сюда в золотых лучах, как-то огорчали.

"Чем придется дышать, – больше в шутку, чем всерьёз подумал Николай, – так долго не проживёшь".

Завтрак был обычным и скромным: бутерброд с салом и двумя яйцами всмятку, и второй бутерброд, но уже с колбасой и большой чашкой чая. Побрившись и приняв душ, Николай решил до того, как отправиться в библиотеку, сбегать в продовольственный, заполнить опустевший холодильник.

Вернувшись менее чем через полчаса, у дверей своей квартиры он обнаружил, симпатичную девушку лет двадцати, высоко роста и с пышными рыжими волосами. Чем-то она, безусловно, была похожа на него, но в основном – была в маму.

– Привет, – сказала дочь.

– Привет, – ответил Николай.

Это было их обычным приветствием. Только сегодня Николай произнёс его с широкой улыбкой и с неподдельной радостью. А дочь – как-то с грустью, как заметил отец, чуть ли не со слезами на глазах.

– У тебя опять телефон не отвечает, – тихим голосом сообщила Юлия, – вот я без предупреждения и заявила, надеясь, что будешь дома.

– Опять, наверное, разрядился, старьё несчастное. Всё никак не соберусь его поменять. Ты уж извини, что-то мы на пороге застыли, давай, заходи.

Николай распахнул входную дверь и посторонился, пропуская дочь. Они сняли куртки, обувь и прошли на кухню, где Николай начал наполнять купленными продуктами холодильник, а Юлия села за стол и молча наблюдала за отцом.

– Как твои дела, котёнок? – спросил Николай, продолжая наполнять холодильник, лишь на мгновение повернув голову в сторону дочери, – как учёба?

– У меня, папа, всё в порядке, всё по-старому, – голос Юли опять на секунду дрогнул.

Николай захлопнул, наконец, дверцу своего доисторического ЗИЛа и сел за стол напротив дочери.

– Но я же вижу, что ты "не в своей тарелке", – обеспокоенно сказал он, – да и время твоего визита озадачивает.

Николай вдруг спохватился:

– Хочешь что-нибудь, чай или кофе?

– Нет, нет, спасибо. У меня сейчас мысли совсем о другом.

– Да о чём же, случилась что-нибудь? – Теперь уже Николай всерьёз забеспокоился. До сих пор у дочери не возникало проблем, которых бы она не сумела преодолеть самостоятельно. Что же вдруг так её "достало"? Может, несчастная любовь или, не дай Бог, беременность? Она уже не ребёнок и вполне самостоятельна, так что всё возможно. Хотя с такой проблемой она бы обратилась, пожалуй, к матери.

Он накрыл её ладонь своей рукой и тихонько сжал, глядя прямо ей в глаза.

– Ну, давай, колись – что произошло? – С максимальной, на какую только был способен, теплотой в голосе спросил Николай. Он улыбнулся, когда в следующую минуту Юлия, запустив пальцы обеих рук в свои густые рыжие, слегка вьющиеся волосы, резким движением откинула их назад. С детства эта её привычка показывала, что дочь на что-то решилась и что сейчас последуют или слова, или действия.

– Понимаешь, мама... – твёрдым голосом начала она, – у неё опять плохи дела. Прошлая операция кардинально ничего не изменила. Врачи говорят – нужна повторная операция.

У Николая отлегло от сердца. Слава Богу, с дочерью всё в порядке. Хотя, какой тут порядок, когда мать больна, да ещё серьёзно. У его бывшей жены Ирины всегда были проблемы с сердцем, пока всё не закончилось стенокардией четвёртой степени. Год назад ей сделали операцию по аортокоронарному шунтированию, и вот на тебе, нужна ещё одна.

– Я так понимаю, проблема в деньгах? – Напрямую задал вопрос Николай.

– Да, папа, или жди своей очереди, или плати, – голос дочери был очень тихим, едва слышным. – Мы старались найти, где только можно, но ничего не получилось. Остаётся менять квартиру на меньшую с доплатой. Но я не уверена, спасёт ли это.

– И вот в последнюю очередь вы решили обратиться ко мне, – Николай едва сдерживал раздражение, – а могли бы с меня начать, всё-таки не посторонний человек.

– Это я решила, мама категорически против была. Но я подумала, что ты должен знать.

– Ладно, проехали, – Николай, казалось, успокоился, – так о какой сумме идёт речь?

– Сама операция, после дней семь – восемь реабилитационный период в больнице. Одним словом, от 700 000 тысяч рублей до миллиона.

Юлию наверняка удивила реакция отца. Он не выказал никакого удивления или растерянности от названной суммы. Сидел в той же позе, с тем же выражением лица, только, похоже, что-то прикидывая в голове.

– Я понимаю, сумма неподъёмная, но... – Она не договорила, так как отец поднял руку, останавливая её. Он ещё минуту молчал и, наконец, произнёс:

– Ничего с квартирой предпринимать не надо. К какому сроку нужны деньги?

– Сам понимаешь, чем раньше – тем лучше. Клиника готова маму принять хоть завтра.

– Ну, завтра точно не обещаю, а вот в течение недели-двух, думаю, управлюсь.

– Ты действительно сможешь помочь? – Юлия поздно сообразила, что эти слова можно было говорить кому угодно, только не её отцу.

Он на мгновение сжал челюсти, так что губы вытянулись в тонкую линию, и, явно преодолевая что-то в себе, процедил одно слово: "Обижает". Она не стала извиняться, вместо слов извинения в её больших зелёных глазах появились слёзы.

"Это, наверное, единственные слёзы ребёнка, которые могут порадовать родителя", – промелькнуло в голове у Николая.

Они ещё немного поговорили о том, о сём. Настроение дочери явно улучшилось, и это, в свою очередь, порадовало отца. Николай, в который уже раз, подумал, насколько лучше была бы его жизнь, если бы они были вместе с дочерью всегда, а не от случая к случаю. Нет никаких сомнений – они нужны друг другу. Жаль, что это невозможно.

Когда Юлия ушла, Николай некоторое время в задумчивости бродил по квартире, поглощённый нахлынувшими воспоминаниями о прежней, семейной жизни, о дочери и даже об Ирине. Что вынудило их расстаться? Внятного ответа на этот вопрос у него не было и сейчас.

"Воспоминания воспоминаниями, а проблемы-то необходимо решать насущные", – с этой мыслью Николай устроился в своём любимом кресле и предался раздумьям.

К своим пятидесяти годам ему приходилось сталкиваться с решением различных задач и проблем. Во многих вопросах, важных и не очень, он давно уже научился уверенно ориентироваться и разбираться. Иначе говоря, у него имелся достаточно богатый жизненный опыт. Но вот в торговле драгоценностями, а тем более антикварными, опыта у него не было никакого. Как человек военной закалки Николай привык, приступая к серьёзному делу, заранее и как можно тщательнее планировать свои действия. С годами стремление предусмотреть все варианты, учесть малейшие нюансы, возможные сложности и риски в нём только укрепились.

Для начала нужно было хотя бы приблизительно узнать стоимость этой вещицы. Николай встал с кресла и, подойдя к буфету, достал из небольшого выдвижного ящичка заветный

предмет. С того самого дня, как Николай нашёл в подвале свёрток, всё, что он в нём обнаружил, хранилось в старинном буфете, в ящичке, который вполне можно было назвать потайным, так искусно он был замаскирован художественной резьбой. Вернувшись в кресло и поудобнее в нём устроившись, Николай с особым вниманием и интересом стал разглядывать кулон. Само собой разумеется, главная составляющая его цены – это ценность историческая. Николай уже уточнил дату рождения цесаревича Алексея, и она точно соответствовала выгравированной на обратной стороне кулона дате. Год был 1914-й. То есть, подарена была драгоценность, когда Алексею исполнилось десять лет. Совершенно очевидно было также, что две буквы КФ, хорошо читаемые в клейме с помощью увеличительного стекла, означали не что иное, как Карл Фаберже. На руку придворного мастера указывала, как считал Николай, и узнаваемая овальная форма вещицы – по сути, визитная карточка фирмы Фаберже.

"Таким образом, – размышлял Николай, – кулон, попавший мне в руки, представляет собой, безусловно, вещь очень дорогую. Однако, что же делать-то с ним дальше, где искать покупателя? Как говаривал один армейский товарищ Николая: куды бечь?" Учитывая, что это за предмет, и при каких обстоятельствах Николай стал его обладателем, существовал вариант ещё и неприятности немалые огрести в случае необдуманных шагов. Поэтому действовать необходимо было крайне осторожно.

"Наверное, – решил Николай, – самый лучший вариант – это обратиться в какой-нибудь антикварный салон, поискать там специалиста по старинным драгоценностям и историческим раритетам".

Мимо одного такого салона Николай два раза в четыре дня проходил, направляясь на работу и возвращаясь с неё. Правда, он и приблизительно не знал, на чём специализируется этот салон, он даже на витрину его никогда не смотрел. Ну, вот и появился повод узнать и посмотреть. И не только на витрину. Какое-то чувство подсказывало Николаю, что не стоит кому-либо сразу демонстрировать свой кулон. Для начала, как он решил, можно вполне обойтись фотографией. Потратив немало времени, Николай отыскал, наконец, в дебрях огромного платяного шкафа свой старенький "Полароид" с почти просроченными кассетами. Положив драгоценность на чистый лист бумаги, он сделал несколько снимков под разными ракурсами и с обеих сторон кулона. В доме не нашлось ни одного спичечного коробка, и для сравнения размеров, фотографируя, Николай положил рядом с кулоном своё обручальное кольцо. Снимки получились вполне сносные, все детали можно было чётко рассмотреть.

На часах было уже около двенадцати, когда Николай вспомнил, что должен быть сегодня в библиотеке. Анна Николаевна ещё обещала познакомить его с каким-то интересным старичком. Наскоро собравшись и не забыв прихватить с собой прочитанные книги, Николай отправился по знакомому адресу. Беспokoясь, что несколько припоздился, он решил не экономить на поездке в общественном транспорте, а поймал "левака". Меньше, чем через четверть часа Николай был на месте.

Поднимаясь по ступеням библиотеки, он вдруг отметил странное состояние, в котором пребывал, заходя в этот храм культуры. Это был его третий визит, и именно сегодня он с особой силой ощутил, что его по-настоящему тянет сюда, в эти стены. И это было продиктовано не столько стремлением получить какую-то информацию или желанием пополнить свои знания, а потребностью побыть среди людей, пообщаться с ними, может быть, лучше узнать их. Ведь и по натуре, и по образованию он был "человековед". Так что в его состоянии не было ничего странного.

Несколько минут назад он вышел из родного дома, который за последние годы холостяцкой жизни постепенно стал приютом отшельника и фактически превратился для Николая из уютной квартиры в какой-то гостиничный номер, где только обстановка и отдельные предметы что-то напоминали и о чём-то свидетельствовали. Знакомые с детства стены не были напол-

нены теплом человеческого общения, радостью быть кому-то полезным, ощущением собственной нужности.

И вот он входит в другой дом, никаким боком к нему не относящийся, но чувствует, как будто возвращается к близким ему людям. К этому охраннику, к серьёзной, молчаливой девушке, к величественной Анне Николаевне.

Приветливо кивнув всё тому же охраннику, Николай быстро поднялся на второй этаж и вошёл в знакомый ему зал. При его появлении сидевшая на своём рабочем месте Анна Николаевна отложила в сторону какую-то толстую книгу и, улыбнувшись, произнесла:

– Наконец-то вы объявились, дорогой Николай. Я уже, грешным делом, подумала, что что-то напутала с днём нашего очередного свидания и зря побеспокоила уважаемого профессора.

Напустив на себя вид нашкодившего первоклассника, Николай начал сбивчиво оправдываться за своё опоздание, на ходу придумывая причины поубедительнее и через слово прося прощения. Наконец он понял, что дальнейшие извинения будут явным перебором и умолк, продолжая смотреть на Анну Николаевну виноватыми глазами. Видимо, эту женщину трудно было провести. В крайнем случае, когда она с улыбкой просто покачала головой, Николай почувствовал некоторое неудобство.

А ещё он почувствовал какое-то движение у себя за спиной и, чуть повернувшись к залу, заметил приближавшегося к "кафедре" пожилого мужчину. Пожилой – это, пожалуй, было слишком мягким определением. По сути, это был маленького росточка худощавый старичок. Седенький, но с невероятно живыми, даже озорными серыми глазами.

"Как у большинства членов императорской семьи", – невольно подумал Николай.

Когда профессор, как называла его Анна Николаевна, подошёл и встал рядом с Николаем, то тот с некоторым удивлением обнаружил, что старичок, хоть и был невысок ростом, имел достаточно спортивную фигуру, держался прямо, расправив плечи и подав грудь вперёд. Особенно приметными были руки мужчины: ухоженные, как после маникюра, они в тоже время демонстрировали скрытую в них силу, даже мощь.

"Или от природы такие, или ему пришлось в жизни серьёзно этими руками поработать", – промелькнуло в голове у Николая.

– Вот, Сергей Иванович, заговорила Анна Николаевна, – позвольте представить Вам этого молодого человека – нашего нового читателя, исследователя, заинтересовавшегося обстоятельствами давних, но известных Вам событий в Екатеринбурге.

"Представление почти торжественное, но туману хозяйка напустила чересчур, – подумал Николай, – хотя, возможно у них тут такая манера общения".

– Зовут его Николай, – продолжала дама, – а отчество, на мой взгляд, может и не иметь существенного значения, учитывая, что он Вам в сыновья годится. Или я не права? – закончила хозяйка зала, взглянув на Николая.

– Нет, нет. Вы абсолютно правы, – закивал головой Николай, – к чему лишние условности и формальности? Они пожали друг другу руки, и Николай смог убедиться, что по поводу физического состояния профессора он не ошибся. Старик был крепок, а рука его тверда.

– Очень приятно, – глуховатым голосом произнёс Сергей Иванович. – Предлагаю присесть где-нибудь в сторонке и пошептаться на интересующую вас тему. Вы не против?

– С удовольствием. Думаю, Вы мне расскажете много интересного, ведь Вы не просто профессор, а историк. Анна Николаевна мне Вас так представляла, – закончив фразу, Николай вдруг подумал, что точно не помнит, действительно ли она говорила о Сергее Ивановиче как об историке. Профессор возражать не стал. Следовательно, Николай не ошибся. Они прошли в самый конец зала и уселись за один из столов, прямо у окна.

– Итак, сразу, чтобы не забыть, а то заговорим друг друга, – произнося эти слова, профессор достал из-под стола коричневый кожаный портфель с золотистого цвета застёжками

и извлёк из него книжку в мягкой глянцевой обложке. – Вот, это и есть плод многолетнего расследования следователя Соколова – его книга "Убийство царской семьи". Вы же её хотели заполучить, Николай?

Уточнение это Сергей Иванович сделал, видимо, заметив некоторое удивление в глазах Николая и его явное разочарование от вида скромной книжицы. Действительно, тот ожидал заполучить какой-нибудь толстенный том солидных размеров, а тут – почти брошюра.

– Понимаю ваше удивление. Я не совсем правильно выразился. Конечно, это всего лишь описание хода расследования, различных его этапов, а отнюдь не все материалы следствия. На самом деле, объём накопленных Соколовым документов и изученных зафиксированных фактов огромен. Но вы же не хотите в них утонуть?

– Нет, разумеется, не хочу, – живо согласился с профессором Николай.

– Ну вот. Значит, этой книги для начала вам будет вполне достаточно. Извините, что немного задержал её возвращение. Но вы ведь не в обиде, надеюсь?

Николай уже заметил эту странную манеру Сергея Ивановича: каждое своё высказывание заканчивать вопросом.

– Честно говоря, не думал, что книга эта может кого-нибудь заинтересовать сейчас. Ведь прошёл почти век. Кажется, все уже приняли официальную версию событий лета восемнадцатого года и, вроде бы, интерес к этой теме пропал. Особенно после захоронения останков в Ленинграде... извините, Санкт – Петербурге. Может быть, в прессе появилось что-то новенькое, вскрылись ранее неизвестные факты, обстоятельства? – Опять закончил вопросом Сергей Иванович.

– Да нет, вроде бы. Просто у меня дурная привычка на всё иметь свою собственную точку зрения. А в этом деле, насколько я понимаю, разночтений много и споры всё ещё не утихли. Хотя, как Вы правильно заметили, интерес спал. Вот я и...

– Понимаю, понимаю, – закивал седой головой Сергей Иванович, – сам болен той же болезнью. Когда-то с интересом сам занимался взволновавшей вас темой. Пришёл, кстати сказать, к выводам, несколько отличным от официальных. Но я уже давно простой пенсионер, которому порой совсем нечем заняться. Сейчас историческую науку двигают в основном люди молодые. Их, кажется, переполняет сознание свободы, свободы поиска, свободы суждений. Но большинство из них почему-то "нос держит по ветру" и прекрасно представляет, какое видение нашей, особенно недавней истории, хочет видеть власть. Или я не прав?

– Судя по тому, что я вижу по "ящику", извините, по телевизору, или читаю в прессе, полностью с Вами согласен.

– Вот, вот. Потому-то я зафиксировал то, что "нарыл", извините, наработал по царскому делу на..., как это правильно называется? – электронный носитель, кажется, и спрятал от греха подальше. Прав я, как вы полагаете?

Николай в знак согласия просто кивнул головой. В этот момент он подумал о том, что с "подколками" у Сергея Ивановича всё в порядке, ведь его "нарыл" было явным ответом на Николаев "ящик".

– Сейчас созрел до изучения совсем далёких времён, – продолжал Сергей Иванович, – пытаюсь разобраться в причинах гибели царевича Дмитрия в Угличе. Представляете, куда занесло?

Это было уже похоже на полувопрос, поэтому Николай в очередной раз, ответил кивком головы.

– Кстати, литература литературой, а интернетом вы, Николай, пользуетесь в своих научных изысканиях? Понимаете, о чём я? Должен сказать, очень полезная вещь. Например, в книге, что сейчас у вас в руках, изложены далеко не все материалы расследования. А вот в интернете, если поискать, можно найти более полные протоколы допросов, описание различных следственных действий и так далее. Честно скажу, сам я компьютером не обзавёлся, но без

проблем работаю в ближайшем от дома так называемом интернет – кафе. А у вас есть такая техника? – задал очередной вопрос профессор.

– К сожалению, при разводе единственный в нашей семье компьютер уехал вместе с дочкой – студенткой на их с матерью квартиру. Заводить новый как-то не было необходимости. Но я уже понял, что без интернета нормальной работы не будет. Так что в ближайшие дни решу эту проблему.

– Вот и правильно. Увидите, насколько проще и интереснее пойдёт дело.

– Уверен, что так оно и будет, – согласился Николай.

– Итак, – продолжил Сергей Иванович, – мне бы очень хотелось узнать эту самую вашу точку зрения на события июля восемнадцатого года. Только предупреждаю, чтобы эта точка зрения "нарисовалась", вам нужно будет не просто прочитать книгу вашего тёзки – следователя Соколова, а основательно её перелопатить, ставя под сомнения каждый вроде бы очевидный факт, каждый вывод автора. Надеюсь, вы согласны со мной?

– Уверяю Вас, профессор, что я именно так и поступлю, – заверил Николай своего собеседника.

– Ну, и отлично. Тогда, если вы не против, встретимся здесь же, скажем, через недельку, в следующий понедельник. Тогда и поговорим предметно. Идёт?

– Вполне. Думаю, скоро у меня будет достаточно свободного времени для любой встречи. Время то же, что и сегодня?

– Да, вполне устраивает, – ответил Сергей Иванович.

Он, наверное, не заметил, что последний вопрос каким-то странным образом остался за Николаем. Они вновь пожали друг другу руки, и Николай направился к выходу. Прихватив с вешалки куртку, он попрощался с восседавшей за своей "кафедрой" Анной Николаевной и в дверях, на том же месте, что и в прошлый раз, опять чуть не столкнулся с её помощницей Ольгой.

– Здравствуйте, Ольга, – сказал Николай.

– Добрый день, – ответила девушка.

– Место встречи изменить нельзя, – то ли спрашивая, то ли утверждая, тихо произнёс Николай.

Она в ответ только улыбнулась, даже не взглянув на него.

Вернувшись домой, Николай, не откладывая в долгий ящик, связался с фирмой, занимающейся интернетом. Адрес, название и контактные телефоны фирмы он списал с объявления, косо приклеенного на входную дверь его подъезда. Мастера обещали быть к шести вечера. Меньше чем за два часа Николай успел пообедать на скорую руку, смотаться в магазин радиоэлектроники и купить в меру дорогой ноутбук. Там же в магазине услужливый менеджер установил на него все необходимые программы.

Глава 5

До прихода мастеров – компьютерщиков ещё было достаточно времени, можно было успеть посетить известный Николаю антикварный магазин. Так что в пять вечера он уже подходил к солидной деревянной двери со вставками из затемнённого стекла и массивными бронзовыми ручками. Салон назывался "Атлантида".

Толкнув перед собой эту замечательную дверь, Николай услышал мелодичный перезвон у себя над головой и где-то в глубине достаточно большого зала.

"Точно как в кино или зарубежных романах", – подумал Николай.

Обстановка внутри салона тоже соответствовала той, которую он не раз видел в фильмах и сериалах, по большей части детективных. Расставленная тут и там старинная мебель, картины в массивных золочёных рамах, свисавшие с потолка замысловатые хрустальные люстры,

бронзовые и фарфоровые статуэтки. Всё наверняка с солидной историей и родословной, красиво и, безусловно, дорого.

Николай продолжал осматриваться в неярко освещённом зале, когда совершенно неожиданно слышал у себя за спиной:

– Здравствуйте. Могу я вам чем-то помочь? Вас что-то конкретное интересует, или... всё заберёте? – сказано это было явно женщиной, но очень низким голосом.

Улыбнувшись и оценив шутку, Николай обернулся на голос и увидел достаточно молодую, лет тридцати пяти женщину, хорошо одетую, с красиво уложенными рыжими волосами. Окинув её быстрым взглядом, Николай почему-то в первую очередь отметил, что на женщине не было никаких украшений: ни колец, ни браслетов, ни цепочек. Даже серьги отсутствовали, хотя уши были проколоты.

В следующую минуту, Николай понял, что имеет дело с настоящим профессионалом.

– Я специально не ношу украшения на работе, чтобы не отвлекать покупателей, – видимо изучающий взгляд Николая не остался незамеченным и был совершенно верно понят.

– Тогда вы, наверное, занимаетесь продажей драгоценностей, – решил перейти к делу Николай.

– Нет, вы знаете, собственно ювелирные украшения – не наш профиль. Это связано с некоторыми сложностями юридического плана. Не хотим на этот счёт заморачиваться. Есть изделия из серебра, с позолотой. Есть вещи, инкрустированные полудрагоценными камнями.

"Например, – продолжала "хозяйка", – портсигары, табакерки, шкатулки. Вот, можете посмотреть в той витрине, справа от вас".

Николай инстинктивно повернулся в нужную сторону, но тут же снова обернулся к женщине.

– Я, собственно, хотел попросить совета по одному вопросу, но совершенно не представляю, к кому с ним лучше всего обратиться. Вот, подумал, что вы сможете помочь.

– Конечно, конечно. Что вы хотели узнать? Спрашивайте!

Николай достал из кармана куртки, сделанные им фотографии кулона, и протянул их своей собеседнице.

– Вот, посмотрите, пожалуйста, на эти снимки. Как вы думаете, сколько может стоить то, что на них изображено?

Женщина взяла протянутые Николаем фотографии и сначала бегло, потом с большим вниманием стала их рассматривать.

– Вы знаете, – всё ещё держа фото в руках, произнесла она, – по фотографиям достаточно трудно что-либо определить, а тем более сделать какое-то заключение. – После этих слов женщина с интересом посмотрела прямо в глаза Николаю и после непродолжительной паузы продолжила:

– Но кое-что понять можно. Вещь явно ценная, исполненная настоящим мастером, явно с богатой историей. Поэтому оцениваться она должна не просто как ювелирное украшение, а как очень дорогая кому-то реликвия. К сожалению, ничего более определённого сказать не могу.

После её слов входная дверь салона с тем же музыкальным сопровождением открылась, и на пороге появилась ещё одна молодая, хорошо одетая, с такими же красиво уложенными, только тёмными волосами женщина. В отличие от "хозяйки", эта дама была буквально увешана украшениями, правда, как смог оценить Николай, с большим вкусом подобранными.

"И как только не боится столько на себя навешивать?" – промелькнуло в голове у Николая.

Ответ на этот вопрос он получил незамедлительно. Дверь ещё не успела до конца закрыться, как распахнулась вновь. В неё буквально протиснулся здоровенный парень в плохо сидящем костюме, но зато в до ослепительного блеска начищенных ботинках. Слева, в нужном месте, пиджак парня характерно оттопыривался.

"По-моему, это называется "бодигард", или попросту – телохранитель", – Николай улыбнулся, подумав, зачем ему пистолет при таких габаритах?

Парень, в свою очередь, изображая бдительность, с подозрением посмотрев на Николая, прошёл в середину зала и уселся в одно из кресел. Устроившись поудобнее, телохранитель продолжил наблюдать за единственным посетителем.

"И что во мне его так насторожило? – С раздражением подумал Николай. – Наверное, здесь бывают люди более солидные и состоятельные или, по крайней мере, внешне так выглядящие. "

Вошедшая женщина, вежливо поздоровавшись с Николаем, направилась прямо к "хозяйке" и, подойдя вплотную, обняла её одной рукой и поцеловала в щёку.

Однако, как заметил Николай, при своём невинном поцелуе в щёку дама почему-то захватила значительную часть губ рыжеволосой. Николай подумал, что если бы его сейчас здесь не было, то поцелуй точно был бы более чувственным и откровенным. Обе женщины улыбнулись и с нежностью посмотрели друг другу в глаза.

– Привет, дорогая, – произнесла очень тихо та, что была в украшениях.

– Привет, – ответила другая.

"Вот это чувства, – восхитился Николай, – вот это эмоции". Он перевёл взгляд на парня в кресле. Тот ехидно скалил зубы, глядя на женщин.

"Гомофоб несчастный" – усмехнулся Николай.

– Товарища что-нибудь заинтересовало? – спросила брюнетка у рыжеволосой?

По её очень уверенному и даже надменному тону Николай понял, что с определением хозяйки заведения он, скорее всего, поспешил. Ещё он второй раз за пять минут осознал, что его внешний вид может потянуть только на "товарища", но никак не на "господина".

"Ну, это мы как-нибудь переживём", – снова усмехнулся Николай.

– К сожалению – нет, не заинтересовало, – его размышления прервал низкий голос рыжеволосой. – Просто потребовалась небольшая консультация по оценке одного раритета.

С этими словами сотрудница салона передала фотографии кулона, которые всё это время так и держала в руках, своей подруге.

Пока та внимательно рассматривала их, бугай – охранник резво вскочил с кресла и, подойдя сзади, довольно бесцеремонно стал пялиться на фото через её плечо.

"Эксперт хренов", – пронеслось в голове Николая.

– Светлана вас, наверное, поставила в известность, – очень официальным тоном начала черноволосая, – что в этой области мы не специалисты. Кое-какой опыт, конечно, есть, но тут, как мне кажется, дело серьёзное и нужен профессионал с опытом. Даже не знаю, что вам посоветовать, – с задумчивым выражением лица закончила она.

– Возможно, Соломон может помочь, а, Марина Станиславовна? – Неожиданно высокий голос охранника прозвучал как – будто ножом по стеклу провели.

Марина Станиславовна вскинула голову и скороговоркой произнесла:

– Точно, Соломон Ефимович, как я сразу о нём не вспомнила? Спасибо, Игорь, что подсказал. Ну, конечно, Соломон Ефимович – именно тот, кто нужен.

Все присутствующие заметно оживились, как – будто нашли единственно верный выход из очень сложной, жизненно важной ситуации.

– Извините, как вас зовут? – спросила Марина Станиславовна.

– Николай.

– Так вот, Николай, я могу порекомендовать вам одного человека, старого знакомого моих родителей. Когда – то он был искуснейшим ювелиром. Потом, к сожалению, пропил свой талант и вот уже несколько лет трудится гравёром при одном из ювелирных бутиков. Сидит в стеклянной клетушке и делает поздравительные и дарственные надписи на разных дорогах

штучках. Но специалист он от Бога. Особенно хорошо, насколько я помню, разбирался в камнях.

Марина Станиславовна очень подробно объяснила Николаю, как найти заведение, в котором можно увидеться с Соломоном Ефимовичем. После этого Николай, поблагодарив за помощь и попрощавшись, при этом с охранником Игорем даже обменявшись рукопожатием, направился к выходу. Оставшаяся троица молча проводила его взглядами.

Салон ювелирных изделий находился здесь же, в центре города, и уже через десять минут Николай входил в огромные стеклянные двери, которые при его приближении автоматически раздвинулись. В отличие от "Атлантиды" тут всё сияло и блестело. Буквально всё, от пола и до потолка. Мрамор, зеркала, стекло, позолота и много, много света. Так можно было описать убранство этого заведения. Содержимое витрин соответствовало всему остальному. Блеск и сияние.

"Скорее всего, – решил Николай, – это достигается какой-то очень сложной и хорошо продуманной системой подсветки выставленных на продажу украшений".

В этот сверкающий интерьер каким-то чудесным образом удачно вписывалась и стеклянная будочка гравёра. Только в ней никого не было. Николай хотел обратиться к кому-нибудь из персонала, но с удивлением заметил, что ни охранников, ни продавцов поблизости не было. Он стоял посреди всей этой роскоши и вертел в растерянности головой. Наконец Николай увидел, что из глубины зала к нему приближается хорошенькая белокурая девушка в форменном костюме небесного – голубого цвета.

– Здравствуйте, – поздоровался Николай.

– Добрый вечер, – очень приветливо, с улыбкой, ответила девушка.

Он представился заказчиком гравировки и поинтересовался причиной отсутствия мастера. Она ответила, что Соломон Ефимович сейчас болен и появится в своём "скворечнике", как он называет своё рабочее место, завтра с утра.

"Что-то не очень удачный день выдался", – мысленно подвёл итоги Николай, выходя на улицу и направляясь к метро.

Зато к концу этого дня он, всё-таки стал обладателем высокоскоростного интернета.

На следующий день в пятницу 7 октября, Николай, немного погуляв по центру города, оказался у дверей уже знакомого ювелирного магазина. Было ровно десять утра, и хозяин стеклянного "скворечника" уже был на месте. Николай с первого взгляда определил причину, которая вынудила мастера уйти на "больничный". Мужчина был явно пьющим, и пьющим уже давно. Существует много признаков, по которым можно определить – страдает ли человек этой болезнью. Николай, хоть и не был специалистом – наркологом, но за свою жизнь много поработав с людьми и сталкиваясь с самыми разными личностями, неплохо в этих признаках ориентировался. Они в значительной степени, как понял Николай, проявляются соответственно образу жизни, образованности и культуры индивида. С первого взгляда было видно, что сейчас перед Николаем очень интеллигентная, творческая натура, наверняка хорошо воспитанный и приличный человек. Потому проклятая алкогольная зависимость проявлялась у него в чрезвычайной смущённости и незащитности во взгляде, тихой, как бы извиняющейся речи и аккуратности в причёске и одежде.

– Здравствуйте. Чем могу служить? – Начал мастер, едва Николай приблизился и уже был готов поздороваться первым.

– Здравствуйте, Соломон Ефимович, – ответил Николай, – мне рекомендовали обратиться к Вам как опытному специалисту в ювелирном деле.

По опыту зная, что люди такого рода занятий не отличаются недостатком честолюбия или низкой самооценкой, Николай решил вести диалог настолько уважительно, насколько это было возможным.

– Кто, кто меня Вам порекомендовал, простите за любопытство?

Николай немного замешкался, не сразу вспомнив имя хозяйки антикварного салона.

– Очаровательная женщина по имени Марина Станиславовна, – наконец вспомнив, ответил он.

– А, Мариночка. Не забывает старого друга. Молодец, молодец. Хоть и обращается ко мне очень редко. Но всё равно замечательная девушка. Как у неё дела? Надеюсь, бизнес процветает?

Николай немного смутился, оказавшись в числе близких друзей Марины Станиславовны, по мнению Соломона Ефимовича, но решил не возражать.

– Да, да спасибо, у неё всё хорошо, торговля идёт полным ходом, место-то ведь бойкое. – Николай остановился, понимая, что не стоит перегибать палку, так как можно нарваться на вопрос, на который он толком не сможет ответить. Так и получилось. Помолчав немного, ювелир вдруг поинтересовался:

– А как Славик поживает? Вот уж о ком я давно ничего не слышал. Так хотел бы с ним пообщаться, как в былые времена.

"Какой ещё Славик?" – Промелькнуло в голове у Николая. Надо было срочно менять тему разговора.

– Вы знаете, Марина давно о нём ничего не рассказывала. Да, честно говоря, я и сам не спрашивал. А к Вам я, собственно говоря, по делу, за помощью. – Не давая мужчине в будочке возможности и дальше предаваться воспоминаниям, Николай сразу же продолжил:

– У меня имеется одна интересная вещица. Не древняя, но относительно старинная, которую, в силу ряда обстоятельств, я вынужден реализовать. Проще говоря – продать. Но поскольку в этой сфере я полный профан, то имею большое желание – для начала узнать хотя бы приблизительную её стоимость. Конечно, я готов заплатить за вашу консультацию.

– Ах, вот в чём дело, – нараспев произнёс Соломон Ефимович, – ну что ж, попробую Вам помочь, молодой человек. Показывайте Вашу реликвию.

Сначала Николай собирался так же, как и в антикварном салоне, показать свои фотографии, но за несколько минут разговора он, с одной стороны, почувствовал определённое доверие к этому бесхитроственному алкашу в стеклянном домике, с другой стороны, Николаю всячески хотелось ускорить процесс, побыстрее прийти хоть к какому-то результату. То есть, если решил, то надо действовать решительно и быстро. Вот почему Николай, не раздумывая, достал из своего объёмистого бумажника и передал ювелиру заветный кулон.

Уже потому, как осторожно Соломон Ефимович взял в руки протянутый Николаем предмет, стало ясно, что стоит он немалых денег. Глаза ювелира буквально загорелись азартным блеском. Он долго рассматривал кулон со всех сторон. Потом, вставив в левый глаз увеличительное стекло, с особым вниманием изучил обратную сторону кулона. Затем, вынув увеличительное стекло из глаза и взяв гигантских размеров лупу, стал внимательно изучать обрамлявшие кулон камни. Наконец, отложив в сторону лупу и вернув Николаю драгоценность, Соломон Ефимович как-то скромно улыбувшись и глядя куда-то в сторону, заговорил совсем о другом.

Поскольку работа с данной вещью не потребовала значительных усилий, не отняла много времени и, больше того, доставила истинное удовольствие мастеру, то брать за консультацию деньги он считает совершенно неуместным. Но если уважаемый клиент не против, то они могли бы продолжить беседу в баре, который буквально находится через дорогу. Угощение выпивкой и будет считаться платой за консультацию.

Соломон Ефимович, конечно же, хитрил. Он совсем не отказывался от реальных денег, просто переносил их получение, в значительно большем размере на более поздний срок. Ювелир прекрасно понимал, с какой просьбой обратится к нему клиент в ближайшие минуты. И тогда уже можно будет вести разговор о серьёзных комиссионных. А сейчас надо было клиента заинтересовать и понадежнее связать с собой. Выпивка в этом деле вещь незаменимая.

Николай, в свою очередь, не очень представляя, во что этот поход в бар ему обойдётся, на предложение ювелира немедленно согласился. Картина их выхода из ювелирного магазина и перемещение в бар у стороннего наблюдателя вызвала бы, как минимум, улыбку. Соломон Ефимович с гордо поднятой головой двигался впереди, громко рассуждая о нелёгкой доле золотых дел мастеров в наше непростое время повсеместных перемен. А Николай шёл немного сзади, вырываясь вперёд только затем, чтобы предупредительно распахнуть перед мэтром очередную дверь. Он понимающе кивал головой и демонстрировал всяческий интерес к словам старого ювелира.

Пил Соломон Ефимович исключительно виски, и выбранный им сорт был не из дешёвых. Николай ограничился своим традиционным напитком – коньяком. К счастью, в заведении оказался его любимый "Старик Кёниг".

Глотнув из огромного хрустального стакана янтарного напитка и почему-то озабоченно, если не сказать безрадостно, вздохнув, ювелир заговорил:

– Я общаюсь с Вами уже достаточно долго, а до сих пор не узнал Вашего имени.

Николай, извинившись, представился.

– Так вот, дорогой Николай, – продолжил Соломон Ефимович, – вещь действительно исключительно интересная. Не буду от Вас скрывать, мне в руки, при всём моём опыте такая ещё не попадала. Это портретная миниатюра на фарфоре. Миниатюрную роспись могли выполнять только мастера высочайшей квалификации и на крупных фарфоровых предприятиях. Вы понимаете, что речь идёт о мастерах начала прошлого века. Так вот, эта вещь наверняка выполнена на Императорском придворном заводе. Затем сам портрет помещён в платиновую оправу уже мастерами известнейшей фирмы Карла Фаберже. Большую ценность представляют шестнадцать бриллиантов в обрамлении портрета. Камни чистейшей воды, форма огранки круглая, размер каждого из камней потянет на 0,33 карата. Кто изображён на портрете, думаю, Вы и без меня знаете. Видимо, это её подарок кому-то очень близкому. Хотя нетрудно догадаться кому – естественно, сыну Алексею.

Старик умолк и после хорошего глотка, опорожнившего стакан, заключил:

– Стоит предмет бешеные деньги. Откуда он у Вас – не спрашиваю. Хотя могу предположить, что это не семейная реликвия.

– Да уж, само собой разумеется, – подтвердил Николай. – Счастливым обладателем стал совершенно случайно. Рылся в старых, забытых вещах и вот нарыл.

– Ну что ж, повезло. Правда, тут ещё бабушка надвое сказала. Знаете, молодой человек, за такими цацками из прошлого чаще всего тянется очень нехороший "хвост", который может аукнуться и в настоящем. Не подумайте, что я преследую какой-то личный интерес, но я бы на Вашем месте действительно поскорее избавился от этой дамочки в бриллиантах.

Откровенные суждения Соломона Ефимовича побудили Николая повторить заказ. Когда напитки были принесены и мужчины, не чокаясь, выпили, Николай продолжил разговор:

– Я и сам того же мнения. Собственно, поэтому и обратился к Вам. Кстати, примерную стоимость медальона Вы так пока и не назвали.

– Николай, если бы этот медальон продавался где-нибудь на официальном аукционе, подобном "Сотбис", то за него можно было бы получить действительно огромные деньги. Но Вам ведь такой вариант не подходит, как я понимаю?

– Не подходит, – согласился Николай.

– Ну, вот. А если идти путём неофициальным, то тысяч так четыреста – пятьсот долларов просить можно, я думаю.

Названная сумма вполне Николая удовлетворила, поэтому он поднял свой бокал, чокнулся с поднявшим свой стакан Соломоном Ефимовичем и выпил коньяк весь до последней капли. Ювелир поступил точно так же.

– Можете порекомендовать возможного покупателя? – Уже не особенно следя за лексикой, спросил Николай после непродолжительной паузы.

– Над этим вопросом нужно серьёзно и основательно подумать, – ответил ювелир, порядком захмелевший. – Клиент должен быть достаточно состоятелен и не очень любопытен. Или, правильнее сказать, не очень щепетилен. Такого будет непросто подыскать. Хотя людей авантюрного склада сейчас полно.

Николай согласно закивал головой. Ведь в какой-то степени вывод ювелира относился и к нему.

– Что-то мы засиделись в этом уютном заведении. Давайте ещё по одной "на посошок" и будем собираться. Надеюсь, я не очень напрягаю потенциально богатого человека, – с улыбкой произнёс Соломон Ефимович.

– Да, да, разумеется, давайте закажем ещё.

Официант вроде наготове стоял – тут же доставил заказ. После того, как он удалился, Николай продолжил разговор, заметив, что если сделка состоится, то уважаемый Соломон Ефимович как посредник вправе получить определённый доход с неё.

– Это было бы справедливо. Думаю, не стоит оговаривать процент, остановимся на фиксированной сумме. Скажем, тысяч десять долларов меня бы вполне удовлетворило.

Николай, соглашаясь, молча кивнул головой.

– Давайте условимся так. Я в ближайшие дни прозондирую почву, а Вы, скажем, в воскресенье мне перезвоните. Может, к тому времени уже будет какой-то результат.

Сейчас я напишу свой номер телефона.

Ювелир достал из внутреннего кармана пиджака перьевую руку и попытался на бумажной салфетке вывести нужные цифры. Однако ручка упорно отказывалась писать. Соломон Ефимович, встряхивая авторучку, сделал несколько безуспешных попыток, затем бросив в сердцах:

– Чёртов "Паркер" Юрского периода, – спрятал своё вечное перо. Пришлось занять карандаш у официанта. Николай аккуратно свернул протянутую ювелиром салфетку и спрятал её в карман джинсов. На выходе из бара они расстались, на прощание пожав друг другу руки.

Николай шагал по осеннему городу, особенно не задумываясь, каким маршрутом ему добираться до дома. Он просто прогуливался, ощущая некоторую расслабленность и от выпитого коньяка, и от осознания того, что хоть одно начатое им дело, кажется, сдвинулось с мёртвой точки. В каком бы благодушном состоянии он не находился, подсознательно, каким-то десятым чувством Николай понимал, что эта вроде бы элементарная коммерческая сделка может иметь вполне непредсказуемые последствия. Ведь до сих пор недавняя таинственная находка Николая оставалась лишь его секретом. А вот, с продажей явно знаковой в определённых кругах вещи, он, грубо говоря, "засветится". И учитывая печальный опыт лиц, ранее причастных ко всему этому действию, это могло таить в себе вполне реальную угрозу. С другой стороны, прошло уже много лет. Сложно было представить, что в наше время кого-то всерьёз могла заинтересовать история неожиданного появления на свет царской реликвии.

"Вообще-то, все эти рассуждения совершенно излишни. Нужны деньги, очень нужны деньги. И единственный способ их получить – тот, который он выбрал. И точка!" – Подвёл итог Николай.

Передумав ехать домой, он отправился на работу и написал заявление об увольнении по собственному желанию. Ни начальству, ни товарищам по работе Николай не стал ничего объяснять, сослался на сложные семейные обстоятельства. Последним рабочим днём Николая была суббота, поэтому, закончив с бумажными формальностями, он прошёл по коридорам Комитета и попрощался с теми сотрудниками, с которыми успел если не подружиться, то более – менее близко сойтись.

Остаток дня Николай посвятил, как и обещал Сергею Ивановичу, вдумчивому и глубокому изучению труда колчаковского следователя Н.Соколова. Для этого ему пришлось побродить по интернету, разбираясь с переводом саженей, аршинов и вершков в метры и сантиметры. Кое-что, для наглядности, он даже изобразил на чертежах.

Через сутки, отдежурив последнюю смену, свободным от всяких обязанностей и обязательств человеком, Николай вместе с напарником Михаилом направился в ближайший, открытый круглые сутки бар. "Проставиться" по случаю очередного отпуска или дня рождения, а уж тем более в связи с увольнением – это святое дело для каждого охранника.

В баре было немногочисленно. Посетители, в основном молодёжь до 30 лет, от души выпив и повеселившись под живую музыку малоизвестной рок группы, разошлась и разъехалась. Официанты и бармены, уставшие за бессонную ночь, слонялись по залу, что-то поправляя, расставляя, наводя хоть какой-то порядок в ожидании дневной смены. На вошедших в бар Николая и Михаила, кажется, никто не обратил внимания. Но как только они уселись друг напротив друга за длинный, как в крестьянской избе деревянный стол, к ним сразу же подошла очень милая девушка – официантка. Она, похоже, едва держалась на ногах от усталости, но приветливо, во всё лицо улыбалась толи очень поздним, толи слишком ранним посетителям.

– Хороша вертипопочка, – констатировал Михаил, глядя вслед удалявшейся к стойке бара официантке, принявшей заказ.

– Давай сегодня без девочек, – отмахнулся Николай, – а то последний раз вспоминать страшно.

За семисотграммовой бутылочкой хорошо охлаждённой водки и под нехитрую закуску протекала столь же нехитрая мужская беседа: о том, что было, о том, что есть и, главное, о планах на будущее. Николай чувствовал себя не в своей тарелке от того, что он не может толком объяснить Мишке причину своего внезапного ухода с работы. Он всё продолжал ссылаться на какие-то проблемы с прежней семьёй, прекрасно, однако, сознавая, что напарник достаточно хорошо осведомлён обо всех его заморочках с женой и дочерью. Впрочем, Михаил особо и не расспрашивал; так надо – значит так надо.

Николаю было искренне жаль расставаться с этим немногословным, но таким открытым и добродушным увальнем. И с каждой выпитой стопкой это чувство сожаления о скором расставании всё нарастало.

Посидев часа полтора в баре, друзья вышли на улицу и вдруг, наверное, глотнув свежего, почти морозного воздуха, не стовариваясь, пришли к мысли, что неплохо было бы перекусить поплотнее. Выбор остановили на пельменной в конце той же самой улицы. Заведение хоть и называлось по-простецки "Пельменная", на самом деле разительно отличалось от тех общепитовских пельменных, которые помнил Николай. Это был настоящий ресторан. Цены на спиртное тоже были ресторанные, а вот пельмени на вкус – не очень. После пельменной Михаил предложил освежиться пивком. Николай знал по собственному опыту, что это желание – после водки утолять жажду пивом ни к чему хорошему не приводит, но он не стал перечить другу, и они, поймав такси, отправились ещё в один бар, но уже пивной.

Была уже вторая половина дня, и Николай вспомнил про звонок, который должен был сделать ювелиру именно сегодня – в воскресенье. Он порылся в бумажнике и с трудом отыскал ту самую салфетку, на которой был записан номер Соломона Ефимовича. Трудно было предположить, как продолжится и чем закончится сегодняшняя расслабуха, поэтому Николай решил, что надо звонить сейчас, на более или менее трезвую голову, а точнее на не совсем пьяную. Как всегда некстати выяснилось, что мобильник Николая разряжен и пришлось воспользоваться телефоном Михаила.

Ювелир ответил мгновенно, будто с нетерпением ждал звонка. Дальше Николай в течение нескольких минут слушал сбивчивую и не очень трезвую, как ему показалось, речь Соломона Ефимовича. Вкратце всё сводилось к тому, что покупатель найден. Это один из давниш-

них клиентов, человек не просто при деньгах, а очень богатый, возможно даже из разряда олигархов. Фамилия, разумеется, не называется, но можно было быть совершенно уверенным – человек достойный. В том смысле, что честность сделки и её конфиденциальность гарантированы. Покупатель – настоящий ценитель старины, коллекционер со стажем, и цена в пятьсот тысяч долларов его вполне устраивает.

– Меня тоже, – вставил в речь ювелира Николай, не очень, правда, отдавая себе отчёт, действительно ли это приемлемая цена.

– Встретиться, – продолжил Соломон Ефимович, – олигарх предлагает на квартире одной своей знакомой. Место удобное, в центре города, но в очень тихом районе.

Ювелир передал ещё несколько условий сделки, продиктовал адрес нужной квартиры, дату и место встречи. Всё это Николай для верности записал на той же салфетке с телефоном Соломона Ефимовича, опять воспользовавшись, теперь уже не карандашом, а шариковой ручкой официанта.

Уже заканчивая разговор, Соломон Ефимович не забыл напомнить о причитающихся ему десяти тысячах.

– Безусловно, – подтвердил Николай, в свою очередь, стараясь, чтобы голос звучал убедительно и как можно более трезво. Уговор есть уговор.

– С кем это ты базарил? – Поинтересовался Мишка, когда Николай возвращал ему телефон.

– Да так, старинный знакомый. Можно сказать – деловой партнёр.

– Мурло, – почему-то кратко, но ёмко охарактеризовал "делового партнёра" Михаил.

Как и опасался Николай, проводы удались на славу. Ночь они с Мишкой встретили в очень приличном, и, соответственно, дорогом заведении со стриптизом и кальяном. Пили уже почти не закусывая, после каждой очередной стопки кидая в рот какие-то солёные орешки. Результат был предсказуем и наступил, как всегда, неожиданно.

Проснулся Николай от спящего солнечного света, заливавшего всё вокруг. Он лежал на чём-то мягком, на спине, полностью одетый, только без куртки и ботинок. Щурясь от этого яркого света, он не очень чётко видел где-то высоко над собой белоснежный, как ему казалось, потолок с затейливой лепниной вокруг основания большой хрустальной люстры.

Не раз просыпаясь вот так, после крутых попок, глядя в тот же потолок с той же люстрой, первой мыслью Николая было: он, скорее всего, заночевал в зале ожидания какого-то вокзала, совершенно беспомощный, рядом со случайными людьми, и что ему теперь долго придётся восстанавливать свои документы и искать деньги, чтобы дотянуть до полочки. Затем ощущение реальности постепенно возвращалось к нему, и Николай с огромным облегчением понимал, что это его родной дом и он каким-то чудесным образом всё-таки до него добрался.

Так было и на этот раз. Как они расстались с Михаилом, и что происходило потом, Николай не помнил совершенно. Деньги, полученные при увольнении, были практически на нуле, но всё остальное, слава Богу, на месте.

Как это ни странно, настроение у Николая было вполне себе ничего, можно было даже сказать приподнятое. Хотя физически он чувствовал себя отвратительно: сильно мутило, и голова работала на низких оборотах.

"Так, на сегодня у меня встреча с Сергеем Ивановичем в библиотеке. Ужасно не хочется, скорее даже не может, но надо, ведь обещал быть. А завтра, во – вторник сделка с олигархом, и к этому мероприятию надо подойти очень серьёзно".

Думалось Николаю всё-таки с трудом, и, честно говоря, не очень-то и хотелось. Он уже начинал ощущать себя независимым человеком, который сам строит свои планы и определяет свои поступки.

"В то же время – есть то, что хочется, а есть то, что надо, – расфилософовался, постепенно приходя в себя Николай, – как там у классика: свобода – это осознанная необходимость".

Появиться на глаза Анне Николаевне, а тем более пред её застенчивой помощницей требовалось в надлежащем виде. Сергея Ивановича Николай в расчёт не брал: всё-таки мужчина – поймёт и простит.

Глава 6

Пришлось предпринять немало усилий, чтобы более или менее привести себя в боже-ский вид. Николай начал с того, что открыл все форточки и балконную дверь, впус-тив в квар-тиру поток свежего воздуха. Где-то в недрах "ЗИЛа" нашлась давно забытая, но ещё не про-сроченная банка пива. Это было настоящим спасением. "Что бы там не говорила медицина, а похмеляться иногда просто жизненно необходимо", – подумал Николай и отправился в ван-ную. Побрившись и тщательно почистив зубы, затем он долго стоял под душем, периодически меняя воду с горячей на едва тёплую. Вытершись большим махровым полотенцем, Николай несколько минут расхаживал по квартире совершенно голый, делая глубокие вдохи, предпола-гая, что так он насыщает кровь кислородом, а тот, в свою очередь, истребит остатки алкоголя в той же самой крови. Может, это было чистым заблуждением, но так Николай поступал всегда. Затем был первый комплекс утренней физической зарядки, заученный на всю жизнь за четыре года муштры в военном училище. И, наконец, обильный, хоть и через силу, завтрак с двумя большими чашками крепкого чая. Надо было бы, заключительным аккордом, съесть ещё пару яблок, но в доме не нашлось ни одного. От нижнего белья до верхней одежды он оделся во всё новое, бросив вчерашнюю одежду в корзину с грязными вещами. "Завтра прокручу всё в стиралке и таким образом навсегда смою следы порока, в который я вчера окунулся", – под-шутил над собой Николай.

К полудню Николай уже поднимался по знакомым ступенькам главного входа библио-теки имени малоизвестного широкой российской общественности индийского поэта, писателя и даже композитора. Первым, кого он увидел в холле библиотеки, был, естественно, старичок – охранник.

Николай приветливо помахал ему рукой и поспешил проскочить на второй этаж, избегая расспросов охранника о том, как там в мире. Бедолага будто прописался в этом здании.

В зале политической и научно – популярной литературы кроме нескольких склонив-шихся над книгами посетителей Николай увидел своих новых знакомых в полном составе. На привычном месте "заведующей кафедрой" восседала великолепная Анна Николаевна. Прямо перед ней, за первым столом, занял место Сергей Иванович, а у стеллажей с ровными рядами каких – то брошюр работала помощница Ольга. Повесив куртку на вешалку и прихватив при-несённый с собой пластиковый пакет, Николай сам подошёл к "кафедре" и, добавив пару ком-плиментов, поздоровался с Анной Николаевной. Повод для комплиментов был. Сегодня заве-дующая сменила своё традиционное чёрное платье на что-то не по-осеннему "весёленькое", от чего стала выглядеть и моложе, и ярче, и привлекательнее. Но большой золотой крест был на своём привычном месте. Николай подошёл к Сергею Ивановичу. Тот, отодвинув на край стола какие-то материалы, вместе со стулом повернулся к нему. Они поздоровались и пожали друг другу руки.

– Итак, друг мой, надеюсь, я могу вас так называть? – начал в своём стиле профессор. – Удалось вам ознакомиться с результатами титанических усилий следователя Соколова по рас-следованию убийства царской семьи?

– Думаю, что я успел не только познакомиться, но и достаточно тщательно изучить книгу, которую Вы мне дали, уважаемый Сергей Иванович, – сказав это, Николай подумал, что вести разговор в таком академическом ключе ему будет непросто. Надо было быстрее переходить на нормальный человеческий язык. Кажется, такой же вывод сделал и профессор. В крайнем случае, продолжил он уже по-другому:

– Не показалось ли вам, что книга ставит больше вопросов, чем даёт ответов?

– Если честно, – стараясь почётче выговаривать слова, ответил Николай, – я ожидал получить ясную, а главное – объективную картину происшедшего. А вышло так, что в этой объективности я и усомнился.

– Интересно, интересно, – ответил Сергей Иванович. – Ну, и какие у вас претензии к следователю Соколову? Можете предъявить что-нибудь конкретно?

– Например, – сказав это, Николай на минуту задумался. Как бы так изложить свои мысли, чтобы они были краткими и, в то же время, звучали убедительно? – Я думаю, – продолжил он, – всю лирику насчёт последних минут пребывания царской семьи и их слуг в доме Ипатьева имеет смысл не затрагивать, поскольку достоверно ситуацию воспроизвести нельзя. Сколько оставшихся в живых свидетелей – столько же и мнений.

Николай опять умолк, переведя дух. Сделав глубокий вдох, он продолжил:

– Единственным объективным свидетельством расстрела (если считать, что он действительно имел место) являются следы от пуль, выпущенных в жертвы. Я имею в виду отметины на восточной стене комнаты. И тут у меня лично возникают некоторые вопросы и сомнения. Я не поленился и перевёл аршины и вершки, в которых измеряли расстрельную комнату колчаковские следователи, в метры и сантиметры. В определённом масштабе, вот на этом рисунке, – Николай развернул перед Сергеем Ивановичем небольшой лист ватмана, – я изобразил эту самую восточную стену с дверью в кладовую. Ну, и как Вы видите, отметил следы от пуль. То, что абсолютное большинство следов от выстрелов расположено необъяснимо низко от пола (меньше метра) отмечают многие исследователи. На мой взгляд, есть ещё одна странность в расположении этих следов. Стена шириной около 4,5 метра, а большинство отметин, если быть точным, то 18 из 20 укладываются в расстояние менее двух метров от левой, северной стены. А на оставшиеся более чем 2,5 метра приходится всего два пулевых отверстия. Это отметины в двери кладовой. Могла ли нарисоваться такая картина при известном расположении жертв в начале расстрела и, тем более после того, как они начали метаться под градом пуль? Если Вы помните, Юровский писал и говорил, что много выстрелов было сделано по сидящему и никак не падавшему со стула цесаревичу. Но что-то мне подсказывает, что это просто попытка объяснить именно такое странное расположение следов от пуль.

Николай вновь остановился, чтобы перевести дыхание. Всё-таки чувствовал он себя не лучшим образом. В голове навязчиво вертелась известная присказка: пить надо меньше, меньше надо пить. Не дожидаясь реакции профессора, он продолжал:

– Совсем уж необъяснимо пулевое отверстие в двери, у которой стояли сами стрелявшие. В изложении участников и свидетелей расстрела об этом вообще ничего не говорится. Сам же следователь Соколов даже предположений по этому поводу не строит. Одним словом, я, конечно, не криминалист и не эксперт – баллистик, но, на мой взгляд, описываемый процесс казни и единственные объективные следы расстрела не совпадают в моём представлении, картинка не складывается.

– Да я смотрю, вы времени даром не теряли, – тихо произнёс Сергей Иванович, как бы продолжая обдумывать всё услышанное.

– Но я так понимаю, это не последнее ваше сомнение? – он с улыбкой посмотрел прямо в глаза Николаю.

– Безусловно, есть ещё кое-что непонятное, – ответил Николай, – это обстоятельства сокрытия тел. Здесь очень странная ситуация. Следователя Соколову, несмотря на строгую секретность акции большевиков по уничтожению узников дома Ипатьева, практически всё известно об обстоятельствах расстрела. Здесь и фамилии участников, и показания свидетелей, и многочисленные улики, наконец. А вот о том, что происходило с телами убитых потом, ему почему-то ничего доподлинно неизвестно. Здесь нет ни исполнителей, ни свидетелей, реально что-либо видевших. Хотя в этом, извините, "мероприятии" принимало участие достаточно

много людей. Страницы книги Соколова, касающиеся уничтожения, я подчёркиваю, именно уничтожения тел казнённых – это сплошные предположения, домыслы и допуски.

Таким образом, – как бы подводя итоги, заметил Николай, – ничего существенно нового рекомендованная Вами, Сергей Иванович книга мне, по сути, не дала. Наоборот, я бы сказал, поставила много новых вопросов.

Не дождавшись какой-либо реакции от сидевшего, склонив голову профессора, Николай продолжил:

– Учитывая всё, что мне удалось прочитать и узнать за несколько последних дней, в том числе и с помощью нашего с Вами знакомства, меня особенно заинтересовала судьба двух младших детей царя – Алексея и Анастасии.

– Да ну? – встрепенулся Сергей Иванович, – и чем же вас их судьба заинтересовала? Здесь, кажется, всё вполне ясно. Кокнули и сожгли, или просто закопали где-нибудь в лесу, – с некоторой кровожадностью в голосе закончил профессор.

Однако при этом категоричном заявлении Николай отметил появившийся в его глазах блеск явно заинтересовавшегося человека.

– Неужели вы думаете, что большевики их пожалели? Или, как некоторые считают, они чудесным образом сами спаслись?

– Думаю, не думаю, но некоторые факты заставляют кое о чём задуматься. Например, нельзя забывать, что всего лишь за несколько дней до екатеринбургского расстрела съезд каких-то там Советов принял первую Конституцию РСФСР, закрепившую некоторые права граждан России. Как бы сейчас сказали – некоторые общечеловеческие ценности. И сразу после принятия этой Конституции убивать несовершеннолетних детей – это, знаете ли, даже для того сурового времени – чересчур.

– Эта точка зрения, уважаемый Николай, могла бы приниматься всерьёз лет двадцать назад, когда образы революционеров были донельзя идеализированы. Знаете, такие рыцари без страха и упрёка. Теперь это, чаще всего, не очень трезвые изверги, только и думающие, как бы побольше сограждан истребить.

– Истина, как всегда, посередине, – заметил Николай.

– В революцию и гражданскую войну искать истину бесполезно, – хлопнув ладонью по столу, ответил Сергей Иванович.

Они некоторое время посидели молча, размышляя каждый о чём-то своём. Наконец, профессор в примирительном тоне сказал:

– Видите, дорогой Николай, теперь уже у вас предположения и домыслы по поводу этих детишек. А что-нибудь более конкретное имеется?

– Может быть, может быть, – пробормотал Николай, мысленно взвешивая и рассчитывая, стоит ли делиться с профессором находящейся у него конкретикой.

"Нет, пока рано открывать все карты, надо бы получше узнать этого самого Сергея Ивановича Волохова".

Николай, сам не зная почему, вдруг обернулся назад, в сторону кафедры. По всей видимости, Анну Николаевну он застал врасплох, судя по её реакции. Она быстро поменяла позу и опустила глаза, будто изучая что-то, лежащее перед ней. До этого она сидела, подавшись вперёд, глядя на беседовавших мужчин и явно прислушиваясь к их разговору. В этот момент мимо стола, за которым сидели Николай и профессор, проходила девушка – помощница со стопкой каких-то брошюр. Сергей Иванович очень аккуратно придержал её за рукав свитера, и когда девушка остановилась, спросил:

– А вы, Оленька, как считаете, могли лидеры Красного Урала пожалеть и не "хлопнуть" Алёшу с Настей?

Вопрос был задан почти в шутовском тоне, поэтому совсем неожиданно прозвучал вполне серьёзный и краткий ответ:

– Могли.

Девушка улыбнулась, глядя прямо в глаза Николая, и двинулась со своими брошюрами дальше.

"Ну вот, – отметил Николай, – ни на какую конфиденциальность со стороны старичка надеяться нельзя. Надо ещё присмотреться".

– Видите, вас уже двое против меня одного, – улыбаясь, отметил Сергей Иванович. Почему-то счёт не в его пользу профессора развеселил.

– Что-то мы с вами, друг мой, всё в библиотечных стенах встречаемся, – профессор будто прочитал мысли Николая. – При всём очаровании данного заведения дух официоза и академичности как-то незримо присутствует и давит. Если вы, – продолжил он, – в ближайшие выходные, скажем, в субботу свободны, приглашаю посетить моё скромное жилище. Думаю, это будет вам, Николай, интересно, поскольку живу я в Орлово. Не были никогда там?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.